

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Д.М. ВОЛОДИХИН

КНЯЗЬ ИВАН ШУЙСКИЙ

Воевода Ивана Грозного

Новейшие исследования по истории России

Дмитрий Володихин

**Князь Иван Шуйский.
Воевода Ивана Грозного**

«Центрполиграф»

2020

УДК 94(470)"16/17"
ББК 63.3(2)45

Володихин Д. М.

Князь Иван Шуйский. Воевода Ивана Грозного /
Д. М. Володихин — «Центрполиграф», 2020 — (Новейшие
исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-09235-9

Иван Петрович Шуйский знаменит одной победой. В 1581–1582 годах он отстоял Псков, осажденный первоклассной польско-литовской армией с большим контингентом западноевропейских наемников и отличной артиллерией. Во главе осаждающих стоял доселе непобедимый полководец – король Стефан Баторий. Но это не помогло неприятелю: Псков остался неприступной твердыней. Фактически город защитил всю остальную Россию от смертельно опасного вторжения могучего врага. Однако помимо широко известной псковской победы о князе И.П. Шуйском есть что рассказать: он представляет один из самых могущественных аристократических родов в Московском царстве, участвует во множестве войн, походов, сражений, познает великую славу и гибнет от придворных интриг. Это одна из самых замечательных фигур в ближнем окружении царя Ивана Грозного. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(470)"16/17"

ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-227-09235-9

© Володихин Д. М., 2020

© Центрполиграф, 2020

Содержание

Эпоха неистовых честолюбцев	6
Глава 1. Род полководцев и правителей	8
Глава 2. Ближайшая родня	11
Глава 3. «Боярское царство» и «правление Шуйских»	16
Глава 4. Взятие Полоцка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Володихин
Князь Иван Шуйский.
Воевода Ивана Грозного

© Володихин Д.М., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Эпоха неистовых честолюбцев

Князь Иван Петрович Шуйский вошел в анналы русской истории одной-единственной великой победой. Он отстоял Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория.

Да, эта победа была очень нужна России. Да, она в трудное время ободрила русское воинство, павшее духом после нескольких лет тяжелых поражений. Да, под стенами Пскова было предотвращено вторжение польских орд в центральные районы Московского государства. Но при всем том не надо забывать, что прежде псковской победы и после нее Иван Петрович отдал немало сил службе московским государям. Множество походов и боев, в которых он принял участие, сделали его одним из опытейших военачальников того времени. Его судьба – просторное окно, за которым открывается превосходный вид на двадцатилетнее титаническое противостояние России с западными соседями и воинственным Крымом. Биография Шуйского до отказа наполнена звоном мечей, воинскими кличами и пушечным громом.

Иван Петрович был родовитым аристократом. Вельможей. Крупным государственным деятелем.

А что нынче знает образованный русский человек об аристократах времен Московского царства? Чаще всего ум его пленен экзотическим образом «мультишных» бояр, какими их рисовали в советское время: жирные старцы с бородами до колена и горлатными шапками на головах. Неподвижно сидят они, брады уставя, спорят о знатности родов да плетут интриги. Ни слова мудрого, ни решительного действия, ни благородного поступка...

Стоит ли говорить, насколько образ этот смехотворен?

И не столь уж важно, какие идеологические цели вызвали его появление в СССР. Гораздо важнее другое: почему до сих пор многие интуитивно доверяют ему?

Думается, дело в том, что этот размалеванный «плакат для народа» закрывает колоссальную брешь в массовом сознании. Истинных вельмож допетровской Руси не знают, не понимают и даже не чувствуют естественного родства с ними. Как будто они – часть чужой, исчезнувшей без следа, затонувшей какой-то цивилизации!

Генералов, реформаторов, министров императорской России более или менее помнят. А если не помнят, то хотя бы живо интересуются мифами, возникшими вокруг их имен. Вот Меншиков. Вот Столыпин. Вот Горчаков. Вот Аракчеев. Вот Потемкин... А уж о Суворове, Кутузове, Ушакове, Скобелеве и говорить нечего – они вошли во всякий учебник, их образы растиражированы в литературе, живописи и кино.

Неужели при Иване Великом, Иване Грозном, Борисе Годунове, при первых Романовых не было столь же значительных личностей? Вот Пожарский... И что же – пустыня личностей вокруг Пожарского на пространстве в столетие до и после его героической судьбы? Отчего, когда принимаются говорить о XVI в., поминают святых, книжников и, конечно, государей, а вот сонм недюжинных персон, стоявших у подножия трона, как будто закрыт густым туманом, и не видно лиц, не слышно слов, не разобрать действий?!

Грозненская эпоха – пятьдесят лет! – не один государь Иван Васильевич. Победы его и поражения, блеск его ратей и темень опричнины – результат коллективного действия русской политической элиты. Великое государственное строительство, происходившее в России, совершалось усилиями десятков значительных государственных мужей. Войны того времени, охватившие громадное пространство, выдвигали на театры боевых действий сотни видных военачальников.

Немота величественной эпохи – ложная. Вслушаться в нее, всмотреться в нее, и в неясном гуле голосов различимы станут реплики поистине выдающихся деятелей. Были тогда и свои Потемкины, и Столыпины, и Суворовы. Умные реформаторы, искусные дипломаты, блистательные полководцы. Умели глыбищи сворачивать с исторического пути России...

Князь Иван Петрович Шуйский – один из этих людей. Жизнь его, жизнь аристократа, вельможи, воеводы, позволяет понять, как строились биографии других выдающихся царедворцев и столпов Русской державы.

Глава 1. Род полководцев и правителей

По роду своему князь Иван принадлежал аристократической верхушке старомосковского общества. К тем же «сливкам» русской титулованной знати, что и князья Ростовские, Мстиславские, Микулинские или Воротынские – величайшие роды Московского царства.

Князья Шуйские были Рюриковичами. Они происходили от ветви, соседствующей с тою, из которой выросло древо Московского правящего дома. Кое в чем они оказались даже выше, нежели государи, которым служил их род. Корнями родословие Шуйских уходило к великому князю Владимирскому Андрею Ярославичу. Он приходился *младшим* братом великому князю Александру Ярославичу, прозванному Невским (а именно от Александра Невского произошел Московский княжеский дом). Но на великокняжеский стол во Владимире князь Андрей попал *раньше* старшего брата – в 1248 г. – и правил до 1252 г., когда на его месте оказался Александр Ярославич.

Происходя от одного корня с великими князьями Московскими, Шуйские, в случае смерти всех представителей правящей династии, имели право занять трон. Иными словами, играли роль «принцев крови». При сколько-нибудь серьезном династическом кризисе их присутствие следовало брать в расчет как очень серьезный фактор. После смерти царя Федора Ивановича в 1598 г. они оказались в числе главных претендентов на царский венец и активно боролись за него на протяжении Смуты.

Две основные линии Шуйских восходят к Василию Кирдяпе и его брату Семену. Они приходились сыновьями од ному из величайших политиков Северо-Восточной Руси XIV столетия, великому князю Дмитрию Константиновичу Суздальско-Нижегородскому¹. Дмитрий Константинович дважды ненадолго занимал владимирский великокняжеский престол и был серьезным соперником Москвы. А само Суздальско-Нижегородское княжество являлось весьма обширным по территории и густо населенным государственным образованием. Оно обладало правом непосредственных сношений с Ордой. В 1347 г. возникла самостоятельная Суздальская епископия. Вторая столица княжества – Нижний Новгород, молодой и быстро развивающийся центр, – стал опорным пунктом для экспансии на восток. Там появился каменный кремль, несколько каменных храмов, велось собственное летописание. «Нижний Новгород стал вторым по богатству русским городом после Москвы. В нем поселились ремесленники таких сложных по тому времени профессий, как литейщики колоколов, золотильщики по меди, архитекторы и каменщики. Нижний вел обширную торговлю с Востоком...»². В состав княжения также входил заметный удел с центром в Городце и некоторые другие земли. В 1367 г. местные князья общими силами разгромили орду татарского хана Булат-Темира, вторгшегося на их земли³. Эта битва – славное предворение общерусской победы на поле Куликовом. Да и разгром Мамаю на Непрядве осуществился с участием суздальской рати. Десятки суздальских бояр сложили головы в Куликовском сражении.

Погубили же сильную державу Суздальско-Нижегородскую нападения татар, да еще распри между Дмитрием Константиновичем и его дерзким, авантюристичным братом Борисом. В этих распрях приняли участие их дети, вооруженная борьба затянулась на многие годы. Резуль-

¹ Прямой потомок великого князя Андрея Ярославича.

² *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 23.

³ В 1382 г. дети князя Дмитрия Константиновича Василий (по прозвищу Кирдяпа) и Семен поклялись на кресте жителям Москвы, осаждаемым Тохтамышем, что ханское воинство, войдя в город, не тронет их. Те поверили и открыли ворота. Произошла резня, город подвергся разорению и сожжению от татар. За братьями Дмитриевичами, предками Шуйских, установилась репутация предателей. Но, как показал историк Г.В. Абрамович, Василий Кирдяпа, видимо, москвичей не обманывал и виновен лишь его брат Семен (*Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и русский трон. Л., 1991. С. 50–57).

татом стало подчинение княжества Москве, свершившееся в 1390-х гг., при великом князе Василии Дмитриевиче. Полстолетия расцветало это государство, прежде чем стало частью Московской Руси. На протяжении краткого периода, всего несколько лет, у Нижнего Новгорода был реальный шанс оказаться в фокусе политической централизации Руси и... заменить собою Москву как столицу будущей России. Но к рубежу XIV–XV столетий об этом шансе и помина не осталось.

Держава распалась.

Некоторые признаки самостоятельности сохранили Суздаль и Городец. Там по-прежнему сидели князья из того же старинного рода, постепенно уступавшего свои политические права Москве.

Во второй четверти XV столетия разразилась большая внутренняя война между представителями Московского княжеского дома. Воспользовавшись ею, правнуки великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича Василий и Федор на время восстановили особое великое княжество в составе Суздаля, Нижнего, Вятки и Городца на правах полной независимости от Москвы⁴. Они поставили на Дмитрия Шемяку, добившегося великого княжения на Москве. Если бы он победил, то в центре Руси появилось бы новое могучее государство, корнями уходящее в XIV в. Но после того, как Дмитрий Шемяка потерпел поражение и возобладали его неприятель великий князь Василий II, проект суздальско-нижегородских князей рухнул. Всякий их «суверенитет» скоро сошел на нет. С начала 1460-х гг. коренной их вотчиной Суздалем безраздельно владеет старший сын и наследник Василия II – Иван III. Город просто переходит от одного московского государя к другому по наследству. Иван III раздает жалованные грамоты на села в Суздальском уезде, нимало не стесняясь прежних прав местных князей владеть этой землею. Его сын и внук подтверждают пожалования⁵.

Таким образом, еще в середине XV в. предки Шуйских сохраняли положение самостоятельных правителей. Затем большинство их попало в полную зависимость от Москвы, став «служилыми князьями», но все еще «ставились» московскими великими князьями на управление старинными родовыми землями – Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом. Там у них сохранились огромные вотчины.

Впрочем, некоторые представители рода сохранили значительную самостоятельность от великих князей Московских. В 50–70-х гг. XV столетия князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский помимо воли московских государей и по приглашению вечевых республик княжил во Пскове и Новгороде Великом. Он даже участвовал в войнах новгородцев против Москвы. Но в целом семейство к концу XV в. перешло на службу к московским государям.

Обыкновенно родовое прозвище «Шуйские» историки связывают с городом Шуей, «тянувшей» в старину к Суздалю. Не известно, была ли Шуя когда-либо центром, где имелось собственное княжение – удельный «особый стол» в рамках княжения суздальского, но исключать этого нельзя. Не известно, когда за данным населенным пунктом утвердилось название «Шуя»: к настоящему времени самый ранний источник, где оно найдено, относится к рубежу XV–XVI столетия. Но, по всей видимости, оно закрепилось за городом гораздо раньше, и древняя связь князей Шуйских с этими местами не вызывает сомнений. Под Шуей у них были обширные вотчины, а в самом городе до середины XVII в. они владели дворами⁶. В Николо-Шартомской обители (полтора десятка километров от Шуи) существовала родовая усыпальница князей Горбатов-Шуйских. Монастырь этот уже в первой половине XV в. был весьма значительным, настоятель его носил сан архимандрита. В 1553 г. тамошние иноки сообщали

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 40; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 130.

⁵ Памятники русского права. М., 1955. Вып. III. С. 233–234.

⁶ *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов) в трех томах. Иваново, 2004. Т. 2. Старинные документы и акты. С. 323–324; *Кабанов А., Семенов А.* Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010. С. 164–165.

в Москву, что владеют деревнями при селе Горицком по завещанию князей Дмитрия и Василия Ивановичей Горбатов-Шуйских: «...да легли... князь Дмитрей и князь Василей у Николы Чудотворца на Шартоме в их монастыре, и из старины... все их прародители у Николы Чудотворца в их монастыре кладутся»⁷. Те же Горбатовы-Шуйские еще в 1535 г. владели селом Дуниловом недалеко от Шуи⁸. А «прародитель» ветви Горбатов в семействе Шуйских, князь Иван Васильевич, еще в 1449 г. получил от Василия II «...в вотчину и в удел» Городец и обширные территории в Суздальской земле, в том числе, видимо, и под Шуйей⁹. Слова «в их монастыре» дают основание предполагать, что Николо-Шартомская обитель была основана кем-то из рода суздальско-нижегородских князей и могла играть для них роль семейного богомоля.

При Иване III Великом и его сыне Василии III из этого рода рекрутировались дипломаты, наместники и воеводы. Со стороны великих князей Московских им оказывалось большое доверие. В 1512 г. князь Василий Васильевич Шуйский входит в Боярскую думу с чином боярина. Более того, этот видный политик породнился с правящей династией, женившись на внучке Ивана III. Иными словами, великие амбиции потомков суздальских правителей не мешали им быть прочной опорой Московского государства.

Князья Шуйские при Иване IV имели чрезвычайно высокий статус. Да и позднее сохраняли его – вплоть до восшествия на престол государя Василия Ивановича из их рода, процарствовавшего с 1606 по 1610 г. Они всегда были у кормила важнейших политических дел. Они неизменно присутствовали в Боярской думе.

За Шуйскими в популярной исторической литературе утвердилась недобрая слава дворцовых интриганов, лукавых и себялюбивых вельмож. В них многие видели и до сих пор видят вечных зачинщиков «боярской фронды». Людей, метавшихся между стремлением ослабить русского монарха и самим захватить монарший трон.

Это мнение однобоко. Да, конечно, Шуйские просто по положению своему должны были участвовать в интригах у подножия российского трона. Там, на высоте власти, слабые и бездеятельные личности не задерживались надолго. А многолюдное могучее семейство Шуйских оставалось на высшем этапе отечественной политики в течение века! Однако следовало бы обратить внимание и на другое обстоятельство. Шуйские превосходно проявили себя в служебной деятельности. Из них выходили энергичные администраторы, искусные и отважные воеводы. Во времена Ивана Грозного, помимо князя Ивана Петровича Шуйского, в армейскую элиту Московского государства входили также князья Иван Андреевич, Иван Михайлович и Петр Иванович Шуйские, а также их ближайшие родственники князья Александр Борисович Горбатый-Шуйский, Федор Иванович и его сын Василий Федорович Скопины-Шуйские. *Это была семья «командармов»*. На Шуйских легло тяжкое бремя постоянного участия в военных предприятиях России. Они свое высокое положение «отслужили» полностью. Убери их деятельный клан из командного состава вооруженных сил нашей страны – и сейчас же образуется громадная брешь, которую очень трудно закрыть. А в эпоху русской Смуты начала XVII в. именно из этого семейства вышел знаменитый полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

В роду Шуйских сохранялись предания о прежних воинских достижениях, о битвах и походах, о хоругвях, победно реявших на шеломах их предков. И еще – об их полной государственной независимости, от которой середину XVI в., когда родился главный герой этой книги, отделяло всего два-три поколения...

⁷ Борисов В.А. Собрание трудов (материалов) в трех томах. Иваново, 2004. Т. 2. Старинные документы и акты. С. 291–292.

⁸ Шаповал В.Г. Горицы. Дунилово. История, предания, современность. Шуя, 2011. С. 9.

⁹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 147–148.

Глава 2. Ближайшая родня

Дед князя И.П. Шуйского, Иван Васильевич, был крупным военачальником. Как полковой воевода он известен с 1502 г., и служит на разнообразных воеводских должностях до 1530-х гг. Иначе говоря, к исходу правления Василия III в руководстве русской армии он должен был считаться настоящим ветераном. В разное время Иван Васильевич наместничал в Рязани, Пскове, Смоленске, на Двине и даже в самой Москве, занимал пост углицкого дворецкого, а также – не позднее 1531 г. – заслужил боярский чин. Скончался князь Иван Васильевич 14 мая 1542 г.¹⁰ Возможно, он успел познакомиться с внуком-младенцем... или же ушел из жизни незадолго до его рождения.

Кем был Иван Васильевич на подмостках той бурной эпохи? Самая правильная оценка – один из вельмож, один из могущественных людей... Главная фигура при дворе в относительно краткий период с конца 1538 по середину 1540 г. Именно тогда князь получил пышный, специально для него выдуманный титул «московского наместника». И далеко не первое лицо – в русской армии первой половины XVI столетия. Очень крупный администратор, он получал более значительные должности по управлению городами и областями, нежели полками и армиями.

Краткий портрет деда нашего героя будет неполон, если не упомянуть, что у него был знаменитый брат. Он-то как раз оказался в числе первых лиц того времени. О троне и помышлять не мог, но при дворе и в армии значил весьма много, а потому имел возможность влиять на судьбы страны. Итак, Василий Васильевич Шуйский, по прозвищу Немой, старший брат Ивана Васильевича. Много лет он провел в Новгороде Великом как наместник великого князя, вел переговоры с соседями, ходил в походы полковым воеводой... В 1510-х гг. Василий Васильевич обретает особое доверие своего тезки, великого князя Василия III. Теперь ему поручают уже не полки, а целые полевые соединения. Несколько раз он водил армии на Литву, и о двух его походах под Полоцк будет рассказано в следующей главе. В 1523-м он же возглавил «судовую рать» в походе к Нижнему Новгороду, а после этого несколько раз ста новился первым лицом во время оборонительных операций на «татарском фронте». Это, можно сказать, испытанный «командарм» Василия III. На протяжении нескольких лет он фактически является полководцем номер один во всей России. Рисуя положение князя В.В. Шуйского при дворе, историк А.А. Зимин обратил внимание на два показательных факта: «В.В. Шуйский считался наместником Владимира. Это было одно из наиболее значительных придворных званий. В февральском боярском приговоре 1520 г. по делу о краже он назван среди бояр первым»¹¹. Опалы не миновали этого человека, но он быстро оправлялся от государевой немилости и восстанавливал высокое положение. Умер Василий Васильевич осенью 1538 г.

В семье, очевидно, его имя не раз поминали в связи с феноменальным взлетом служилой карьеры князя В.В. Шуйского. Дед героя этой книги ненадолго стал брату ровень. А вот отцу его не суждено было подняться столь же высоко. Ему... чуть-чуть не хватало. Но, надо полагать, мечтания сравняться с Василием Васильевичем посещали младшую его родню. Ивану Петровичу в последние годы жизни удастся приблизиться к уровню великого родича. Но жела-

¹⁰ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 72.

¹¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 71.

ние управлять державой, как управляли ею недолгое время¹² дед и особенно брат деда, все-таки не осуществится, да еще и приведет к печальным последствиям.

Финал у предков и потомка будет разный: Василий Васильевич скончался в апогее славы и влияния, Иван Васильевич также сошел в могилу с великой высоты, а Иван Петрович скверно окончил свои дни, как тогда говорили, «нужной», т. е. насильственной смертью...

Отпрыск Ивана Васильевича, Петр Иванович, родился, предположительно, около 1520 г.¹³ Как военачальник молодой князь появляется в источниках летом 1539 г. – на скромном посту головы в оборонительном походе русской армии под Коломну¹⁴. Он действовал со своим отрядом в районе Зарайска.

В период «боярского царства» при малолетстве великого князя Московского Ивана Васильевича он становится серьезной фигурой (хоть и молодой человек!). В 1542 г. его рейд из Владимира в Москву с тремя сотнями служилых людей решил судьбу противоборства между придворными партиями Шуйских и Бельских: последние потерпели поражение. Не зря в 1545 г., когда период господства Шуйских минул, на Петра Ивановича была наложена монаршая опала... Впрочем, из числа опальных он быстро выбыл. Уже в 1547 г. князь получает воеводское назначение, затем становится наместником во Псков, выполняет такие поручения царя, которые говорят об очень высокой степени доверия. Так, именно он доставил в Москву князей Глинских – родичей самого монарха по материнской линии, пытавшихся бежать за Литовский рубеж. Немудрено, что в 1550 г. Петр Иванович становится боярином, добыв, таким образом, высший чин в московской служебной иерархии. В конце 1540–1550-х гг. он сыграл ключевую роль при завоевании Казанской земли и усмирении первых мятежей против русской власти. Зимой 1547/48 г. князь возглавил передовой полк в походе против казанцев, а в 1552-м, при взятии Казани, он отвечал за боевое охранение русских позиций¹⁵. Затем на протяжении нескольких лет Петр Иванович являлся главным управителем всех казанских и «черемисских» дел.

В первые годы Ливонской войны он получает значение одного из ведущих полководцев на этом театре военных действий. В 1558 г. Петр Иванович командует русской армией в Ливонии, берет города, действует в высшей степени удачно. Именно он взял Юрьев, а подчиненные ему военачальники вступили в Раковор (Везенберг). За это князь и младшие воеводы удостоиваются от Ивана IV «великого жалования». Осенью 1558 г. царь принял их в Троице-Сергиевой обители. Там он «...жаловал их любовными и приветными словесы... их праведную прямую службу похваляя и жалование великое им обещая, и велел им ехать за собою в село свое в слободу Александровскую. И в слободе государь бояр и всех воевод пожаловал шубами и кубки и аргамаки и кони и доспехи давал им и землями и кормлением их довольно пожаловал, и во всем им свое великое жалование показал»¹⁶.

Во время большого и весьма успешного похода на ливонские земли (1560) Петр Иванович является ближайшим помощником другого крупного военачальника – князя Ивана Федоровича Мстиславского. Тогда наши полки взяли Феллин (Вилиян, Вильянди) и несколько меньших крепостей, а также и взяли в плен бывшего орденского магистра В. Фюрстенберга.

При «полоцком взятии» 1563 г. Петр Иванович был вторым воеводой большого полка. Следовательно, на правах своей высокой должности он входил в состав высшего руководства победоносной армии. Затем князь был оставлен командовать гарнизоном Полоцкой крепости.

¹² Об этом – ниже.

¹³ Солодкин Г.Я. Князь П.И. Шуйский – герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 269.

¹⁴ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901. С. 106.

¹⁵ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901. С. 123, 157.

¹⁶ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 274.

К несчастью, блестящая его карьера закончилась трагически. В 1564 г., наступая на Оршу, московские полки подверглись страшному разгрому у селения Чашники. Уставшие после трехдневного марша, не выставившие дозоров, русские полки получили неожиданный удар от литовцев в лесных теснинах. Передовые силы русских, не успев надеть доспехи и завершить боевое построение, оказались разбиты. Пало порядка наших 700 дворян, князя С.Д. и Ф.Д. Палецкие. Петр Иванович был тогда главнокомандующим. Поражение бросило тень на его имя: князь П.И. Шуйский, сбитый с коня, «...з дела пеш утек и пришел в литовскую деревню; и тут мужики его ограбя и в воду посадили»¹⁷... Однако это бесчестие никак не лишает князя славы всех предыдущих его побед. Даже торжествующие победители понимали это: убийц Петра Ивановича казнили, а тело его с честью похоронили в Вильно, близ погребения Елены Ивановны – жены короля Александра Ягеллона и дочери великого князя Ивана III¹⁸. Литва и Ливония помнили его как умелого и энергичного полководца.

Ивану Петровичу было у кого поучиться воинскому искусству: ближайшая родня всю жизнь воевала и управляла людьми. Конечно, роль главного «преподавателя по тактике» сыграл отец князя Ивана. Старшие представители этой ветви Шуйских вряд ли успели вложить сколько-нибудь обширные знания в голову маленького мальчика. Но отца-то его натаскивали в воеводском деле именно они. А от Петра Ивановича к отроку могло перейти много полезного, помимо славных преданий о великих предках.

В XVI в. не существовало каких-либо военных училищ. Ни средних, ни высших. Подавно, и речи не шло о создании какой-нибудь академии Генштаба. Главной школой полководца оказывалась его собственная семья. Чем выше стояли родственники в военной иерархии, тем больше он мог получить от них тактического и стратегического опыта с верхних эшелонов командования. Они обороняли крепости – значит, и он мог узнать от них, как надо оборонять крепости. Они били врага в чистом поле – так и ему доставались знания о том, как бить врага в чистом поле. Они брали штурмом города – следовательно, и он обретал полезные сведения о том, каково быть «градоемцем». С этой точки зрения, род Шуйских представлял собой лучшую «академию Генштаба» из всех возможных в России того времени.

И еще одно: в отношении литовцев у него появился личный счет. В ту пору физическое уничтожение служилого аристократа, тем более «командарма», выходило далеко за пределы нормы в ходе боевых действий. Таких людей отдавали за выкуп, меняли на других знатных пленников, возвращали домой по условиям мирного договора... только не губили. А Петра Ивановича жестоко убили, и это должно было вызвать мысли о мести у его сына. Конечно, почести, оказанные литовцами телу П.И. Шуйского, и казнь его убийц могли бы смягчить сердце Ивана Петровича. Но это благородство победителей было перечеркнуто тем, что Ивану Петровичу и его брату Никите впоследствии не позволили забрать прах родителя на родину¹⁹.

Дата и год рождения самого князя Ивана Петровича Шуйского неизвестны. Их можно приблизительно установить по свидетельствам «Дворовой тетради», «Тысячной книги», а также данных воинского делопроизводства того времени о первых его служебных назначениях.

Осенью 1550 г. вышел указ о пожаловании поместьями под Москвой 1078 служилых людей. Князь должен был по роду и положению своему туда попасть, если бы подходил по возрасту, а служить тогда начинали лет с пятнадцати; но его имени нет в «Тысячной книге» – списке этих помещиков. Следовательно, он родился не ранее 1536 г. Список людей, имевших

¹⁷ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 190.

¹⁸ Солодкин Г.Я. Князь П.И. Шуйский – герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. С. 272–273.

¹⁹ Солодкин Г.Я. Князь П.И. Шуйский – герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. С. 273.

служебное отношение к Государеву двору – «Дворовая тетрадь», – составлен был, скорее всего, в 1551 или 1552 г. и оставался действующим документом, куда заносили новые имена на протяжении 1550-х гг. Иван Петрович в нем числится как дворовый сын боярский по Суздалью. Первые его службы известны по 1562 г. Это может свидетельствовать о том, что родился он, скорее всего, где-то между 1536 и 1545 гг. Скорее всего, в первой половине 1540-х: на должность, полученную им в 1562-м, ставили, как правило, людей молодых, занять ее в 25 или 26 лет – поздновато. Точнее определить трудно: даже у тех, кто были в XVI столетии крупнейшими фигурами в русской политике или военном деле, даты рождения в большинстве случаев неизвестны.

Из ближайшей родни у князя Ивана был еще младший брат Никита. О нем почти ничего не известно. По всей видимости, он ушел из жизни еще молодым человеком, не совершив заметных деяний и не достигнув высоких чинов. К концу 1560-х он уже достиг совершеннолетия, поскольку мог, вместе с братом, обратиться к царю с прошением об обмене тела отца, оставшегося на чужбине, на тело жены полоцкого воеводы, плененной в 1563 г. и умершей в России. А в 1571 г. он погиб во время грандиозного пожара Москвы, зажженной крымскими татарами. Предполагают, что среди дыма и пламени с ним свели счеты давние недоброжелатели²⁰. По сообщению Пискаревского летописца, когда князь Н.П. Шуйский въехал в ворота на Живой мост «и стал пробиваться в тесноте вон», его заколол некий человек князя Татеева²¹. Непонятно, участвовал ли Никита Петрович в обороне Москвы: воинский разряд не упоминает его среди воевод оборонительной рати. Но князь мог занимать и более скромный пост, ниже воеводского. Гипотетически можно высчитать дату рождения Никиты Петровича: приблизительно в начале 1550-х, не позднее 1554 г.

О жене князя Ивана не удалось найти никаких известий помимо того, что звали ее Марьей и умерла она в феврале 1586 г. По душе ее И.П. Шуйский сделал вклад в кремлевский Чудов монастырь – дорогой кубок из серебра с позолотой²². Брак остался, вероятнее всего, бездетным, или отпрыски Ивана Петровича умерли в раннем возрасте: родословия Шуйских на нем завершают эту ветвь семейства.

Между гипотетически вычисленным временем рождения И.П. Шуйского и сведениями о первых его службах не обнаруживается никаких данных по биографии князя. Полный туман.

Как представитель военно-служилого класса, он должен был получить навыки верховой езды и обращения с оружием. Как православный христианин – научиться основам веры: молитвам и «закону Божию». Как человек исключительной знатности, он перенял от родни приемы управления людьми, а также знания, связанные с родословием знатнейших семейств царства и положением дел при дворе. Надо полагать, он знал, кто силен, а кто слаб на Москве, с кем следует ему дружить, кому оказывать почтение, кто является врагом семейства, а кто еще никак не проявил себя в мутных водах придворных интриг. Возможно, достался Ивану Петровичу и золотой сок книжной премудрости: для русской аристократии XVI столетия широкие книжные знания – не диво. Отец его общался с Максимом Греком, великим ученым мужем²³. Так, может быть, и сын оказался не чужд истории, риторике или, скажем, богословия... Вот и все, что можно сказать о нем более или менее уверенно.

²⁰ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 91.

²¹ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 191.

²² Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/1586 г. М., 1996. С. 44–45. Во вкладной книге обнаруживается формулировка: «Дал вкладу... по семье своей, по княгине Марье...»

²³ Ситницкая Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 148, 155.

Гораздо больше известно о роде Шуйских. Судьба всей фамилии самым прямым и непосредственным образом должна была сказаться на судьбе молодого человека, будущего полководца.

И как на времени этом, с середины 1530-х по вторую половину 1540-х гг., стоит остановиться подробнее. Историки порой называют его «боярским царством». И внутри эпохи «боярского царства» отмечают несколько периодов, называемых иногда «правлением Шуйских». Это значит, что семейство Шуйских, богатое, влиятельное, разветвленное, окруженное могучей родней и союзниками, фактически руководило государством. Как минимум, оказывало мощное воздействие на ход государственных дел.

За эпохой «боярского царства» потянется длинный шлейф последствий, так или иначе затрагивающих жизнь Ивана Петровича.

Глава 3. «Боярское царство» и «правление Шуйских»

В конце 1533 г. скончался государь Василий III, и на великом княжении осталась его вдова Елена Глинская – регентша при малолетних детях Иване и Юрии. Трудно сказать, сколь плотно она контролировала правительственную деятельность. Ясно, что роль придворных боярских «партий» возросла.

Великой княгине пришел черед расставаться с жизнью весной 1538 г. Старшему ее сыну Ивану к тому времени еще не исполнилось и восьми лет...

Сразу после этого власть целиком и полностью перешла к аристократическим группировкам. Они безраздельно господствовали у кормила правления до середины 1540-х гг. Причем время от времени в придворной борьбе одерживала верх партия Шуйских, главенствовавшая над прочей русской знатью. Затем молодой монарх Иван Васильевич принялся постепенно, очень медленно, прибирать власть к рукам. Что-то из «дел правления» перешло к нему уже в 1547-м, когда он венчался на царство. А что-то оставалось прерогативой Боярской думы и служилой аристократии до начала 1560-х.

Процесс перехода полновластия от высокородной знати, от «княжат» к монарху, растянулся надолго и шел весьма болезненно...

Князь Иван Петрович Шуйский провел эру «боярского царства» в младенчестве. Он тогда по возрасту не мог играть никакой роли в политической борьбе. Но позднее, подходя к возрасту зрелости, надо полагать, внимательно слушал рассказы взрослых о недавнем прошлом. В семье должны были вспоминать время «боярского царства» как настоящий золотой век для Шуйских. А возмужание великого князя Ивана с необходимостью привело к столкновению между ним и Шуйскими. И отношение к монаршей особе в этом роду сложилось, надо полагать, далекое от трепетного.

Если ограничить эпоху «боярского правления» годами с 1533-го по 1547-й (в реальности она длилась несколько дольше), то именно в это время на политической арене выступало сразу несколько ярких политических деятелей из рода Шуйских.

Выше уже говорилось о князе Петре Ивановиче, отце героя книги. Он активно участвовал в интригах, но счастливо пережил охлаждение между молодым государем и своим семейством, а потом честно служил державе до седых волос, до страшной своей гибели. Но Петр Иванович оказался в кипящем котле аристократической смуты далеко не главной фигурой. А вот его ближайшие родичи – да, один за другим примеряли наряд «примы» в перипетиях «боярского царства».

Тот же Василий Васильевич Шуйский оказался единственным из бояр Василия III, кому при Елене Глинской «...удалось не только упрочить свое положение... но и занять одно из первых мест при дворе юного Ивана IV... неоднократно на приемах крымских и литовских посланников в Кремле речь от имени юного государя произносил боярин князь В.В. Шуйский. Князь Василий первенствовал и на ратном поприще...»²⁴. Его брат Иван выполнял ответственные поручения самой регентши Елены Глинской при дворе Старицких удельных князей. Великая княгиня Шуйским доверяла.

По словам советского историка А.А. Зимина, Василий Васильевич Шуйский «...был одним из виднейших деятелей боярского правительства 1538 г. Летом этого года он женится на дочери царевича Петра (внучке Ивана III), закрепляя родственные узы с правящей династией.

²⁴ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 141–142.

Его дочь была замужем за кн. И.Д. Бельским»²⁵. Скупые строки, но информация к размышлению огромная! Два этих брака представляют собой два сильнейших хода в большой политической игре.

Итак, первый брак соединил два самых знатных и могущественных семейства Рюриковичей в России: Шуйских, т. е. потомков государя Андрея Ярославича, и московских Калитичей, т. е. потомков Александра Невского. Кроме того, «царевич Петр», давно скончавшийся отец невесты, был знатнейшим Чингизидом из рода казанских ханов, до крещения он носил имя Худай-Кул. Таким образом, от этого брака должен был родиться ребенок *очень высокой крови*. И у Шуйских появился бы собственный кандидат на великое княжение Московское, вполне законный. Он был бы первейшим претендентом на престол... исчезли вдруг малолетние дети, оставшиеся от двух мертвецов – Василия III и Елены Глинской, а затем и представитель боковой ветви Московского княжеского дома – князь Владимир Андреевич Старицкий. Если бы к моменту заключения этого брака Василий III или хотя бы его вдова оставались в живых, то они, разумеется, ни при каких обстоятельствах не допустили бы составления столь опасного альянса! Что же касается Владимира Андреевича, то этот пятилетний мальчик, оставшийся без отца, находился тогда в заключении. Подобную, весьма слабую, фигуру не составляло особого труда быстро «снять» с доски большой политики...

Но родилась девочка, нареченная Марфой. Эта безобидная малышка одним фактом своего существования представляла серьезную угрозу для московского монарха, мальчика-сироты Ивана IV.

Второй брак продолжал большую династическую комбинацию, затеянную Шуйскими: осенью 1554 г. Марфа Васильевна была отдана за князя Ивана Дмитриевича Бельского. В представителях семейства Бельских также текла «царственная кровь» – они были высокородными потомками государя литовского Гедимина. Более того, в 1498 г. Иван III выдал свою племянницу, рязанскую княжну Анну Васильевну, за князя Федора Ивановича Бельского, и жених Марфы Шуйской приходился ему внуком. Выходит... Бельские были и Гедиминовичами, и Рюриковичами, да еще и приходились близкой родней московской монаршей династии. Иначе говоря, достаточно знатными людьми, чтобы в случае династического кризиса претендовать на русский или же литовский престол. Бельские одно время являлись упорными соперниками Шуйских в борьбе за контроль над властью в годы «боярского правления». Этот исключительно богатый и влиятельный род сконцентрировал вокруг себя другую сильную придворную «партию»... К середине 1550-х настало время окончательно примириться и объединить силы двух блистательных семейств. Иван IV к моменту заключения этого брака уже был взрослым человеком, обзавелся наследником²⁶. Казалось бы, теперь никто не мог легко и просто избавиться от него – как в те годы, когда он, по малолетству, полностью зависел от служилой знати, окружавшей трон. Но за год до свадьбы Ивана Бельского и Марфы Шуйской венценосец серьезно захворал. Разразившийся вследствие его тяжелой болезни кризис показал: судьба династии висит на волоске. Сын царя, сущий младенец, в случае смерти родителя – не претендент...

Выходит, сын Ивана Бельского и Марфы Шуйской мог бы оказаться живым поводом для очень серьезного династического проекта. Этого не произошло только по одной причине: в 1571 г. князь Иван Дмитриевич погиб за отечество, защищая Москву от татар, и на нем род Бельских извелся. Желанный – очень желанный! – плод матримониальной комбинации то ли так и не появился на свет, то ли умер в младенчестве.

По уровню продуманности двух этих браков очень хорошо видно: Шуйских, вставших у самого подножия трона, фактически правивших страной, волновало тайное желание преодолеть последний шаг, отделявший их от монаршего венца! Занять престол *кем-то из своих*.

²⁵ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 71.

²⁶ В 1553 г. погиб его первенец, царевич Дмитрий, но в 1554 г. родился второй сын, царевич Иван.

Мечтание о монаршей власти, как видно, играло роль бродильного вещества, постоянно возбуждавшего опасные помыслы в их роду...

Еще одну представительницу их семейства попытаются выдать замуж «с дальним прицелом». Однако эта история касается другого времени и самым непосредственным образом скажется на судьбе князя Ивана Петровича Шуйского. Если сравнивать брачный проект с ружьем – пищалю, если угодно, – обретающимся на стене боярского терема, то он должен в конце концов «выстрелить» заранее просчитанными последствиями. Две серьезные попытки Шуйских за счет хитро задуманных браков поднять статус рода не увенчались успехом. Но... если бы немного удачи... или, точнее, несколько больше расположения Божьего... как знать, не утвердилась бы эта династия на престоле государей российских.

Матримониальное комбинирование на таком уровне – очень опасная игра. Шуйские сделали в ней одну ставку, другую... и в семействе, надо полагать, сильны окажутся сожаления: мол, чуть-чуть не получилось. Взрослея, Иван Петрович будет слышать от отца и его родни туманные намеки в духе: «Могло бы повернуться иначе». Оказавшись во главе фамилии, он, в духе семейной традиции, сочтет возможным присоединиться к самой важной матримониальной комбинации в своей жизни. Иначе говоря, сделает еще одну рискованную ставку. И «пищаль»... выстрелит. Вот только не в ту сторону, куда ее попытаются направить Шуйские. Этот выстрел погубит и самого Ивана Петровича, и другие видные фигуры в его роду. Почему так получится? Да попросту *в этом семействе считалось, что подобные эксперименты позволительны*. Что они – часть семейной стратегии выживания. И ум Ивана Петровича в решающий час не воздвигнет перед его волей нравственного запрета. «Раз предки мои так поступали, отчего мне так не поступить?»

Темное пламя прошлого, отпылавшее задолго до того, как главный герой этой книги вошел в возраст зрелости, отбрасывает тень на его судьбу.

Князья Шуйские были сильны еще при Елене Глинской, а впоследствии они дважды становились ведущей политической силой державы: с середины 1538 до середины 1540 г. (затем их потеснили князья Бельские), а также в 1542-1543 гг.²⁷ (с меньшей степенью преобладания при дворе). Если использовать современную терминологию, то они оказывались в роли «правящей партии». Их своеволие отнюдь не ограничивалось брачными авантюрами. Род изрядно обогатился, обеспечил главным своим представителям высокие чины, нанес тяжелый ущерб своим неприятелям – вплоть до физической расправы. Однако отнюдь не та линия в семействе Шуйских, которой принадлежит Иван Петрович, отец его Петр Иванович, дед Иван Васильевич и брат деда Василий Васильевич, оказалась в наибольшей степени покрыта скверною Смутного времени.

Эта сомнительная «честь» досталась другой линии в роду Шуйских, весьма многолюдном и разветвленном. Разные «ветви» родословного древа Шуйских порой расходились весьма далеко, однако знание и живое чувство общего родства не покидало семейства. Шуйские держались друг за друга, вместе переживали опалу, вместе боролись за возвышение. Подобное поведение являлось общим законом для всей служилой знати Московского государства, и князья Шуйские не составили исключения. Просто к их административным и военным способностям добавлялся родовой дар к придворной интриге. Среди них встречались великие мастера интриги, люди расчетливые, волевые, дерзкие. Так вот, у героя этой книги был родич, относящийся к этой поросли. Ему не хватало осторожной «стратегической» мудрости князя Василия Васильевича, не отличался он и выдающимися полководческими способностями, но в роли большого интригана нашел и великую славу, и страшную гибель. Мудрено объяснить, сколь

²⁷ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 104, 109, 141–142, 230–288.

сложные родословные «нити» связывали его с Иваном Петровичем, агукавшим в пеленках, когда политическая деятельность этого человека вышла в зенит и трагически оборвалась... Скажем так: прапрадед младенца приходился младшим братом деду сего буйного интригана. Звали его князь Андрей Михайлович Шуйский Честокол, и память о нем осталась в роду очень долгая, вот только не особенно добрая. В силу принадлежности к «старшей ветви» семейства князь Андрей к началу 1540-х оказался главой рода. Дед и отец героя этой книги уступали ему в родовитости. Но высота положения, как видно, создала у Андрея Михайловича ощущение полной безнаказанности. Как пишет историк Г.В. Абрамович, «...особого внимания заслуживает Андрей Михайлович, политический авантюрист и безудержный стяжатель, деятельность которого легла темным пятном на историю знаменитого княжеского рода»²⁸. После кончины Василия III он ввязался в заговор претендента на трон, удельного князя Дмитровского Юрия, и оказался в тюрьме. Несколько лет спустя его вызволила оттуда младшая родня – князь Василий Васильевич. И вот тогда бывший узник «расцвел» по-настоящему. Псковичи, знавшие его как наместника, в летописи своей называли его «злодеем» и охарактеризовали как бешеного мздоимца. Затем он на пару с И.В. Шуйским свел в могилу князя Ивана Бельского, политического противника. А по сообщениям летописи, не дошедшей до наших дней, но известной по пересказу, сделанному М.М. Щербатовым²⁹ в его «Истории Российской», князь А.М. Шуйский своим корыстолюбием поражал современников. Вот характерный отрывок, рассказывающий о правительственной деятельности Андрея Михайловича: «...грабеж и насильное отнятие продажою за малую цену земель у благородных и общее разорение крестьян взятием великого числа подвод из сел и деревень по пути лежащих, когда кто к нему из его деревень ехал или кто от него в деревни отправлялся, так что уповательно и все припасы его, к облегчению его крестьян, ко отягощению же его народному, на таковых взимаемых насильно лошадях наживались». Мало того, митрополит Московский Макарий, глава Русской церкви, подвергся унижительным оскорблениям от Андрея Михайловича и его сторонников: на Макарии прилюдно «изодрали» одежды. Впрочем, тут князь Андрей следовал дурной семейной традиции: Шуйские вели себя по отношению к Церкви с крайней бесцеремонностью. Именно они «свели» с престола неугодного им митрополита-книжника, великого ученого мужа Даниила, а потом заставили сойти с кафедры митрополита Иоасафа. Причем главной фигурой в позорных противоцерковных делах являлся князь Иван Васильевич Шуйский. Не столь важны *тактические* причины, по которым это семейство ополчалось то на одного митрополита, то на другого, то на третьего. В сущности, для этого существует одна *стратегическая* причина: в главном архиерее Русской церкви они видели всего лишь одного из игроков на поле большой политики. И если очередной ход этого игрока чем-то угрожал роду, то Шуйские начинали действовать против него решительно и безжалостно. Священный сан митрополичий нимало их не останавливал и не вызывал почтения.

Впоследствии служилые русские аристократы устами князя-перебежчика Курбского примутся корить Ивана IV, дескать, как мог он с такой жесточью, с таким неуважением относиться к духовенству?! Но ведь научили-то державного мальчика подобному отношению взрослые дяди с княжеским титулом и боярским чином... Именно они унижали главу Церкви на глазах ребенка... И в первую очередь – Шуйские.

Очень хорошо и славно, что действия против законных митрополитов не стали гордостью рода: видимо, Шуйские понимали всю греховность своих поступков. Поэтому жутковатый опыт деда, Ивана Васильевича, и другого старшего родича, Андрея Михайловича, не передался впоследствии Ивану Петровичу. Надо полагать, в семье не любили разговаривать на подобные темы.

²⁸ Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 80.

²⁹ Русский историк XVIII столетия.

За весь род поплатился Андрей Михайлович. Во-первых, из-за того, что был в наибольшей степени дерзок, неукротим и корыстолюбив. Во-вторых, братья Васильевичи – дед центрального персонажа этой книги и брат деда – уже покинули олимп власти для того, чтобы дать отчет Небесному Судие. К 1543 г. Андрей Михайлович выглядел опаснейшим из Шуйских, все еще принимающих участие в разделе власти. Ему и досталась горькая доля...

Летопись сообщает о его смерти следующее: «Тоя же зимы декаврия 29 [1543] князь велики Иван Васильевич всея Руси не мога терпети, что бояре безсчинье и самовольство чинят без великого князя веления, своим советом единомысленных своих советников многие убийства сотвориша своим хотением, и многие неправды земле учиниша в государеве младости. И велики государь велел поимати первого советника их князя Ондreja Шюиского и велел предати его псарем. И псари взяша и убиша его влекущее к тюрьмам против ворот Ризположенских в городе»³⁰. Сторонники и родичи князя Андрея испытали на себе опалу, отправились в ссылки. Летопись добавляет: «И от тех мест начали бояре от государя страх имети»³¹.

Что произошло в реальности? Мнения исследователей разделились.

Некоторые из них уверены в том, что великий князь Московский Иван Васильевич, он же тринадцатилетний отрок, сызмальства проявлял крутой нрав, да и развивался весьма быстро. Следовательно, можно принять летописное известие за чистую монету: эмоциональная вспышка государя поставила последнюю точку в биографии А.М. Шуйского.

Другие считают, что Андрея Михайловича, зарвавшегося и потерявшего стыд, а заодно и здравый смысл, остановили другие служилые аристократы, действуя руками отрока-государя.

Наконец, сторонники еще одной позиции, думается, наиболее близкой к истине, трактуют гибель Андрея Михайловича как очередной раунд в борьбе аристократических кланов за власть. Князь А.М. Шуйский был не только человеком сомнительной нравственности, но еще и персоной слишком самоуверенной и слишком недалеким. Плеть интриги, он не учел, что высокое положение Шуйских при дворе изрядно надоело другим «игрокам». И... подставился. А потом уже, через много лет, задним числом, его падение представили как свидетельство возмужания монарха. Между тем Андрей Михайлович и его род вызывали неприязнь или же просто откровенно враждебные чувства и у митрополита, и у могущественных Бельских, и у Старицких (Шуйские присвоили их казну и иное имущество), и у Воронцовых, жестоко оскорбленных Шуйскими, и у иных старомосковских боярских семейств, чьи возможности возвышения сократились. Несколько могущественных фамилий договорились между собой, возможно, даже получили на свои действия формальное разрешение молодого и вспыльчивого монарха, а потом несколькими решительными ударами разгромили «партию Шуйских».

Юный Иван Васильевич, как видно, начал тяготиться навязчивым «опекунством» со стороны Шуйских. И соблазнительное предложение их врагов показалось ему полезным.

Много лет спустя в первом послании Ивана IV беглому князю Андрею Курбскому (1564) фамилия Шуйских получила уничтожающую характеристику: «...князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе на шего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на Церковь руку подняли, свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единокровным братом моим, святопочившим в Боге Георгием, начали воспитывать».

³⁰ Летописец начала царства // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 45.

³¹ Никоновский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. С. 145.

вать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет – ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бесчисленные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние. А известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да к тому же на потертых; так если это и было их наследство, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. А о казне наших дядей что и говорить? Всю себе захватили. Потом напали на города и села и, подвергая жителей различным жестоким мучениям, без жалости грабили их имущество. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее поступали и говорили...

Так они жили много лет, но когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов и поэтому князь Иван Васильевич Шуйского от себя отослал на службу, а при себе велел быть боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестьем прогнали с митрополии. Так же вот и князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, вытащили из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому, а митрополита толкали и разорвали на нем мантию с украшениями, а бояр пихали взащей. Это они – доброжелатели, что вопреки нашему повелению хватили угодных нам бояр и избивали их, мучили и ссылали?.. Что же и говорить о притеснениях, бывших в то время? Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!»³²

Эту огромную цитату пришлось привести здесь по нескольким причинам. Во-первых, она «гуляет» по научной и – еще того больше! – по научно-популярной литературе, редко удастаясь внятного комментария. На ее основе часто делают масштабные и совершенно непропорциональные выводы. Во-вторых, она застилает реальную позитивную роль Шуйских в государственной жизни России того времени.

После ее внимательного прочтения возникает вопрос: если Шуйские оказались такими злодеями, отчего они не утратили доверия монаршего? Отчего им продолжали давать высокие думные, воеводские и административные чины?

Конечно, главные персоны этого рода, вызвавшие раздражение у государя, сошли в могилу до того, как он достиг совершеннолетия. В 1538 г. не стало князя Василия Васильевича

³² Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 45, 47.

Шуйского, в 1542-м – Ивана Васильевича, а в 1543-м – Андрея Михайловича. Как будто и опалиться более не на кого... Но это лишь на первый взгляд. Князь-то Петр Иванович, один из главных организаторов большого дворцового переворота в 1542 г., избежал казни, более того, сделался одним из главнейших полководцев всего грозненского царствования. Да и прочие «крупные» Шуйские уцелели в 1543-м, а потом вновь поднялись высоко. Некоторые из них подверглись кратковременной опале, но она всего лишь замедлила их карьеру, не более того. Шуйские сохранили за собой несколько мест в Боярской думе. Через несколько лет они оказались достаточно сильны, чтобы нанести мощный удар по неприятелям своим – клану князей Глинских. Позднее сын казненного Андрея Шуйского, Иван, сделает фантастическую карьеру. Выходит, не столь уж велика оказалась обида Ивана Васильевича на Шуйских... А казалось бы: под корень род подобных кровопийц! Какая им вера?

Точную характеристику положения Шуйских при повзрослевшем Иване Грозном дал историк Г.В. Абрамович: «В малолетство Ивана IV Шуйские в роли регентов стояли во главе Русского государства. Этот период их деятельности, весьма противоречиво освещенный источниками, требует особенно тщательного исследования. Последующая история рода примечательна тем, что, лишившись задолго до опричнины, в результате припадка ярости тринадцатилетнего Ивана IV, одного из своих представителей – Андрея Михайловича³³, в дальнейшем, на протяжении всего царствования Грозного, род Шуйских, в отличие от всех других княжеских родов России, даже в разгар опричного террора не потерял ни одного человека. Этот факт находится в полном противоречии с той демонстративной ненавистью, которой пропитаны обвинения Грозного в адрес Шуйских в его послании к князю Андрею Курбскому. А ведь именно им придают такое большое значение историки, исследующие царствование Ивана IV. Напротив, как бы в опровержение этих обвинений, Шуйские на протяжении всего царствования Грозного входили в состав Боярской думы и занимали самые высокие посты в наместничествах и воеводствах»³⁴.

Стоит напомнить: так горько Иван IV писал о Шуйских в 1564 г. К тому времени он давно миновал порог тридцатилетия, сделался полновластным правителем, научился казнить своих недоброжелателей безо всяких «псарей» и прочей посторонней помощи. В 1540-х, быть может, он не мог расправиться с ненавистным родом, поскольку не обладал еще столь прочной властью. Но к 1560-м он ее обрел в полной мере. Написал страшные слова о Шуйских...

И никого из них пальцем не тронул!

Должно быть, в зрелом возрасте он сформулировал для себя некие очень веские доводы в пользу Шуйских. Полемизируя с Курбским, царь выплеснул на бумагу старинные обиды, но аргументы, заставлявшие его ценить древнюю княжескую фамилию, излагать не стал. Повода не нашлось...

Какие же заслуги числились за родом князей Шуйских со времен «боярского правления»?

Разумеется, без настоящего государя кланы бояр и «княжат» могли распоряжаться казной страны, скажем так, с большой вольностью. Тем более с «осиротевшей казной» дядьев мальчика-монарха – мятежных удельных князей. Конечно, они усиленно заботились о родне, добывая для нее высокие посты разного рода. Конечно, участники большой политической игры не стеснялись убивать своих противников. Тем более разорять их, высылать в дальние края, сажать в тюрьмы, лишать должностей и т. п. Но такое можно сказать о многих семействах служилой аристократии. Шуйские оказались разве что несколько решительнее и удачливее своих «оппонентов». Но они не являлись какими-то извергами рода человеческого, их нравственный

³³ Дело было, как уже говорилось, не в «припадке ярости», а в придворной борьбе: иные дворцовые партии смогли поколебать положение Шуйских, вызвав против представителя их рода гнев государя-отрока.

³⁴ Абрамович Г.В. Шуйские и российский трон. С. 4.

облик особенно не выделялся на общем фоне социальной среды русской служилой знати. Коря Шуйских, царь мог бы точно так же укорять и прочие фамилии «княжат».

Между тем у Ивана IV имелись очень серьезные причины испытывать чувство большой благодарности к их роду.

Прежде всего, опекуны-Шуйские, как ни парадоксально, являлись главными защитниками малолетнего монарха. Может быть, им удобно было администрировать из-за спины малыша и его именем. А может быть, помимо аристократической спеси в их семействе силен оказался христианский долг. Или, что не менее вероятно, Шуйские просто числили себя, по старинному обычаю, среди истинных «хозяев земли». Издревле Русь считалась вотчиной Рюриковичей. Как московские Калитичи, так и Шуйские относились к древним и сильным ветвям династии. Кровь в их жилах текла одна, бешеная кровь дружинных вожаков, и... нехорошо, подло было убивать единокровного человека, такого же «хозяина земли».

Могли Шуйские, что называется, «скормить» опекаемого мальчика иным крупным «игрокам» смутной поры, добившись для себя изрядной пользы? Да, могли. Отдали бы его, скажем, Старицким и получили бы вечную их благодарность... Или же польско-литовскому монарху, давнему врагу Москвы. Между тем на протяжении нескольких лет тяжелой и кровопролитной «стародубской» войны с поляками и литовцами, разразившейся при младенчестве Ивана Грозного, князья Шуйские исправно водили в бой полки и армии. Защищали *землю*. А вместе с нею – чужую для московской Руси женщину, Елену Глинскую, – *не из Рюриковичей*. Защищали и ее сына, по поводу которого ходили неприятные слухи: законнорожденный ли? Точно ли от отца-старика Василия III? Многие, не стесняясь, называли имя фаворита великой княгини, считая его отцом мальчика. Как знать, что думали на этот счет Шуйские, но в обиду они этого мальчика не дали.

Могли Шуйские, договорившись с прочими кланами служилой знати, расчленив державу, погрузив ее в темные воды политической раздробленности? Иначе говоря, вернуть Московское государство на столетие назад, ко временам междоусобных войн? Поднатужившись, смогли бы. А они сохранили единство державы и проявили дельные качества, участвуя в государственной работе – за исключением разве что Андрея Михайловича. Но в семье, как говорится, не без уroda...

С кем Шуйские перемогались в первую очередь, стоя у кормила власти? Главными их врагами оказались князья Бельские – Гедиминовичи, недавние пришельцы, чужаки гораздо большие для Москвы, нежели Елена Глинская. Ее-то хоть связывал с землей брак и рождение наследников. А Бельские – совсем другая история. И стоит всмотреться в нее: многое станет понятным.

В конце XV – начале XVI столетия на службу к великому князю Московскому перешло несколько знатнейших родов литовско-русских князей Гедиминовичей. Особенно возвысились в России Бельские и Мстиславские. В обстановке бесконечных войн с Литвой их очень ценили при дворе московского монарха – не только за высокую кровь, но и за многочисленные связи в среде литовско-русской аристократии. Но служили они, скажем так... переменчиво. Да и в московские порядки вращались трудно. По всей видимости, они не торопились ассоциировать интересы рода с интересами страны. Их беспокоил соблазн перейти литовский рубеж и вновь стать подданными прежнего сюзерена. В роду Бельских, оказавшихся на русской службе в 1480-х гг., таким перебежчиком стал князь Семен Федорович. Летом 1534 г. он ушел из Серпухова в Литву. Позднее его племянник, крупнейший московский военачальник князь Иван Дмитриевич Бельский, начнет готовить побег, но зимой 1561/62 г. его остановят. Подозрение не раз падало и на других выходцев из этого рода. К тому же Бельские время от времени терпели крупные поражения на ратном поле. Как видно, неистовая кровь Гедиминовичей не передала им частицы полководческих талантов, коими славились литовские правители... Коренная знать Северо-Восточной Руси, боярство московское и «княжата», давно служившие Москве,

«своими» для них не являлись. «Хозяева» это чувствовали, да и необходимость потесниться, уступая «пришельцам» пространство у подножия престола, не способствовала доброму взаимопониманию. Царь Иван пенял Шуйским за их самозванное опекунство. А они, во-первых, оказались в опекунах вполне законно, ничуть не руша волю покойного Василия III, у коего были первенствующими вельможами, и, во-вторых, были бы у мальчика иные опекуны, так не произошло бы от того горших бед? В 1540–1542 гг. значительную власть получили Бельские. И что же? Что доброго они сделали России? Амнистировали своего родича-перебежчика, дали своим сторонникам большие земельные пожалования, выпустили из заточения Старицких, которые вновь обрели значение живой династической угрозы «опекаемому» Ивану Васильевичу³⁵. Раздавая «сферы влияния» ближним людям, Бельские шли тем же путем, что и Шуйские, но в великих делах правления они были менее склонны действовать ко благу Русской державы. Шуйские проявили себя в этой роли, как минимум, не хуже Бельских, а по ряду важных признаков – лучше.

Позднее женитьба князя Ивана Дмитриевича Бельского на Марфе Васильевне Шуйской погасила долгую вражду двух этих родов.

В конце 1540-х период «боярского правления» подошел к концу. Завершилась отчаянная борьба между придворными «партиями» за первенство у кормила власти.

Сложился баланс возможностей, интересов и сфер влияния, поделенных сильнейшими аристократическими группировками между собою. Длительный политический кризис миновал, наметилась консолидация «сливок аристократии». Можно сравнить положение, к которому пришла политическая элита России, с современной акционерной компанией. Несколько десятков семей получили большее или меньшее количество «акций», позволявших пребывать на высшем этаже властной иерархии, получать разного рода «экономические бонусы» и участвовать в разделе ключевых должностей. После кровавых междоусобий этот мирный способ организации политического поля гарантировал главным «игрокам» стабильность в обмен на их общий отказ от попыток добиться доминирования. Прекратились позорные «сведения» митрополитов с кафедры. Государь московский – впервые в русской истории – принял царский титул. Высшая власть принадлежала теперь ему... и все тем же «партиям» знати. Он фактически получил роль крупного акционера, а также «исполнительного директора», весьма зависимого, правда, в своих решениях от воли правления, куда вошли прочие крупные акционеры. Начался долгий, на первых этапах мирный, а затем болезненный и насильственный процесс передачи властных полномочий от служилой аристократии к самодержцу. Он желал получить 100 процентов акций. Знать не торопилась расставаться со своими активами.

Шуйские, как и прочие знатные роды, понемногу отдавали бразды правления монарху. Для них «золотой век» закончился. Однако прочное место среди тех, кто входит в боярское правительство, они, без сомнения, сохранили. Фактически Шуйские вышли из бурных волн смуты с солидным пакетом «акций».

Новая полоса «боярского правления» чуть не началась в 1553 г. Как сообщает летопись, весной, вернувшись из поездки в Троице-Сергиеву обитель, «...разболеся царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, и бысть болезнь его тяжка зело, мало и людей знаяше, и тако бяше болезнь, яко многим чаяти, х концу приближися. Царя же и великого князя дьяк Иван Михайлов вспомяну государю о духовной, государь же повеле духовную свершити, всегда бо бяше у государя сие готово. Свершившее же духовную, начаша государю говорити о кресном целовании, чтобы князя Владимира Андреевича [Старицкого] и бояр привести к целованию на царевичево княже Дмитреево имя. Государь же в вечеру том и приведе к целованию бояр

³⁵ Абрамович Г.В. Шуйские и российский трон. С. 86.

своих...»³⁶ – далее идет список служилых аристократов, целовавших царевичу крест первыми и безо всяких пререканий. Но таковых оказалось совсем немного. Среди прочих поползли опасные разговоры: не лучше ли вместо младенца иметь в государях князя В.А. Старицкого – взрослого человека? Не станут ли во главе царства родичи жены Ивана IV, старинные бояре московские Захарьины-Юрьевы? В 1530–1540-х гг. русская знать в совершенстве научилась искусству править именем ребенка... Да не сами ли Захарьины-Юрьевы затеяли все это?

Игра между разными претендентами на престол напомнила старые «добрые» времена «боярского правления». Могучим аристократическим кланам открывалась возможность начать новые политические игры, пересмотреть старый раздел «сфер влияния», получить больше власти. Модель «мирного соглашения», консолидировавшего русскую политическую элиту, могла смениться, по современной терминологии, «соревновательной моделью», т. е. очередным междоусобием. Шуйские не оказали тогда какой-либо поддержки Старицким. Но им явно не нравилась мысль оказаться в подчинении у клана Захарьиных-Юрьевых.

Хворый царь велел приводить князей и бояр к присяге в Передней избе. Сам выйти к ним не мог, «понеже... изнемогаше велми, и ему при собе их приводити к целованью истомно...». Поэтому государь Иван Васильевич отправил для проведения ритуала «ближних бояр»: князя И.Ф. Мстиславского и князя В.И. Воротынского. Вот тут-то у многих сдали нервы. «Бысть мятеж велик и шум, и речи многие во всех боярех, а не хотят пеленичнику служити». И первым подал голос боярин князь Иван Михайлович Шуйский, брат убитого Андрея Михайловича. Как говорит летопись, он «...учал противу государевых речей говорити, что... не перед государем целовати [крест] не мочно: перед кем... целовати, коли государя тут нет»³⁷. Царь призвал забунтовавшую знать к себе, выбранил, пояснил, что служить по крестному целованию присутствующие будут не Захарьиным, а государю Дмитрию Ивановичу, призвал верных бояр к твердости. Но трудно сказать, как повернулись бы события, если б он не выздоровел. А с выздоровлением Ивана IV и суть проблемы исчезла. Перед служилой аристократией вновь стоял взрослый монарх, а не «пеленочник».

Князя И.М. Шуйского не казнили. Он даже не растерял своего, весьма значительного, влияния при дворе. Наказали тогда лишь тех, кто откровенно действовал в пользу Старицких. Да и то не сразу, а лишь после того, как группа князей Ростовских попыталась уйти за литовский рубеж, боясь воздаяния. Прочих не тронули: слишком многие достойны были кары, но не чинить же расправу над доброй половиной двора? Какой мятеж бы еще вышел, страшно вообразить...

Люди того времени вели себя совсем не так, как наши современники. Не так думали, не так говорили, иные поступки совершали в сходных ситуациях. На огромных просторах лесистой страны гуляла воля, люди переполнены были витальной энергией, она то и дело перехлестывала через край. На протяжении нескольких веков – XIV, XV и первой половины XVI – наш народ во всех главных проявлениях своих отмечен благородной избыточностью. Что ни возьми, все оказывается чересчур, ко всему приложена клокочущая сила. И более всего это витальное неистовство видно в персонах княжеской крови, «сливках» русской знати. Они готовы были без горя и ужаса каждый год выступать в походы и с любым неприятелем «пить смертную чашу». Сила веры порой приводила их в обители, к величайшей святости. А сила корыстных устремлений толкала затевать мятежи, заговоры, грызться за власть в беспощадных междоусобицах.

Промежуток от Сергия Радонежского до митрополита Макария – эпоха, когда Русская земля наполнилась яркими личностями. Их было столько, сколько пузырей появляется на

³⁶ Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 211.

³⁷ Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 212.

луже, когда идет ливень. Их было – не перечесть. И всякий – на свой лад, со своей миссией и своими причудами.

Сколь сильно отличается это великое время – может быть, величайшее во всей русской истории! – от серой невнятицы XII столетия, от корыстного копошения первой половины XIII в.! Дюжинный кондотьер, вроде Юрия Долгорукого, на этом фоне выглядел большой политической фигурой. А настоящие крупные личности уровня Владимира Мономаха или Андрея Боголюбского уподоблялись залитым солнцем утесам, стоящим в окружении замшелого кустарника. Идея затеять свару с родней за более выгодное княжение и положить несколько тысяч ратников, сойдясь с единокровными неприятелями в междоусобной сече, была образцом стратегического плана. Вожди дружин того времени, те же самые Рюриковичи, словно не задумывались о будущем дальше чем на несколько месяцев вперед.

Русские князья той поры напоминали стаю ворон: перелетали с гнезда на гнездо, отыскивая для себя удел побогаче, клевали друг друга, не в силах смириться с богатством соседей, а когда самое уютное гнездо – великокняжеский стол – оказывалось вакантным, вся огромная стая с карканьем поднималась в воздух, устраивала побоище и вновь «перекладывала» гнездовье. Ни героизма, ни самопожертвования, ни великих помыслов. В лучшем случае – разбойничья удаль да свирепость в отношении побежденных. Святость поблекла, богословская мысль затихла. За полтора десятка лет выросло лишь два значительных мыслителя: Климент Смолятич и Кирилл Туровский. Лишь великое каменное строительство еще напоминало о прежней мощи древнерусского общества...

«Дух отлетел», как говаривал Константин Николаевич Леонтьев...

И вдруг среди духовной пустоши появляются один за другим Александр Невский, Михаил Черниговский, Даниил Московский, Михаил Тверской, преподобный Сергей. Когда надежды отлетели, вера ослабла и любовь притупилась, явлено было ободрение для Руси: держитесь! Грядет другое время! Сосуд пустой наполнится горячим вином!

Вскоре после монгольского нашествия стал совершаться великий поворот от ничтожества к величию.

До середины XIV в. градус внутреннего тепла Руси постепенно повышался. А с этого времени земля, люди, кровь, вера и творчество смешались в один громадный протуберанец кипящей лавы. Страна с великой болью, не считая потерь, теряя очень много крови, поднималась, сбрасывала ордынское иго и повсюду творила новые смыслы, новых людей, новую политику. Даже верить училась по-новому, горячее, истовее. Казалось, само небо спустилось на землю, чтобы застыть играющей лазурью на иконах Андрея Рублева.

К середине XVI в. время творения невиданных смыслов и невиданной доселе государственности начало иссякать. Все рожденное в великом усилии, должно было застыть и получить окончательную, строго определенную форму. Однако носители неистовой крови – аристократия наша – «опаздывали», находясь умом и сердцем в предыдущем веке.

Все это воинство сильнейших, умнейших, амбициознейших людей не хотело застывать. Оно как будто не желало холода и твердости. Оно как будто стремилось по-прежнему быть лавой, хоть «кипение земли» уже иссякло. Земля искала порядка, упорядочения. А у нашей великородной знати энергия все еще бурлила, все еще искала выхода.

Годы «боярского правления», взятие Казани, да еще, может быть, начало Ливонской войны – последние вспышки прежнего косматого солнца, зажигавшего сердца русских людей. И в них видно уже «падение качества», нарастание мотивов личной корысти. Еще готовы наши книжники извергать великие идеи, но все больше их умственный и духовный труд затопляется волнами монотонной хозяйственной деятельности. Еще могут наши аристократы жизнь отдать за Отечество, еще чураются они большой смуты, еще живо благородство их помыслов. Но уже высчитывают они шаги до престола и все чаще вспоминают о вольнице предков, нимало не подчинявшихся единодержцу. Все больше научаются они работать не умом, не сердцем и не

крепкими, привычными к мечу руками, а... локтями – расталкивая соперников в борьбе за высокие чины и богатые поместья.

Хронологическое пространство от опричнины до петровских реформ трагично. Россия исполнена колоссальной жизненной силы, ей устраивают кровопускания – одно другого ужаснее, она болеет, встает на ноги, получает еще один удар, опять болеет, и все-таки опять встает на ноги... На протяжении нескольких десятилетий старомосковское общество, вздыбленное опричниной, болезненно пережившее конец династии Рюриковичей и годуновское самовластие, находится в состоянии еле сдерживаемого взрыва. Наконец рванула Смута. В 1611 г. России не существовало. Размеры катастрофы Смутного времени сейчас трудно себе представить. По всей вероятности, потери, понесенные тогда русским народом, сравнимы с последствиями Гражданской войны, если только не больше³⁸. Сильная вера, сильная нравственность и огромная жизненная энергия, содержащиеся в людях того времени, дали возможность спасти рушащийся дом. А потом пережить нашествие королевича Владислава, поражение в Смоленской войне, Разинщину, городские бунты всех сортов, тяжкие войны на юге и западе, мятежные выплески стрелецкой стихии. Сохранение того, что родилось в эпоху акмэ, требовало чудовищного напряжения, огромных жертв – и от простого народа, и от правящего сословия. В XVII столетии Московское государство (и, значит, русский культурно-исторический тип) проявило необыкновенную волю к жизни. И величественное здание Российской империи – наша «золотая осень» – встало на прочный фундамент старомосковских ценностей, старомосковской традиции.

Но в середине XVI столетия нет еще и предчувствий о подобных кровопусканиях. И трепещет в сильной, умной, отважной... мятежной и своекорыстной знати избыток энергии, бешеная кровь. Когда монарх находит способ потратить это высокое, благородное буйство на дела, необходимые всей державе, случаются великие победы, Русь расширяет границы. Но если подобных «энергоотводных» каналов нет или они слишком узки, то само время замутняется... В такие моменты неизбежно начинается большое междоусобие.

Судьба рода, судьба всей русской аристократии, служившей государям московским, выковала из И.П. Шуйского человека, у которого в груди как будто бились два сердца. Порою ритм их сливался. Тогда жизнь Ивана Петровича шла мощно и ровно. Но иногда биение двух сердец совершалось невпопад, и судьба князя Ивана поворачивала к большому лиху.

Одно сердце говорило ему: «Ты высокородный потомок Рюрика. Отец твой поверг могущественных Бельских. Дед твой правил страной как „московский наместник“, а его старшему брату даже особого звания придумывать не пришлось – он и без этой новины держал государство в кулаке. Прадед был князем-наместником в независимом Пскове. А прапрадед с братом своим держал Суздаль, Нижний Новгород и иные города как независимый удельный государь. А ты? Где ты нынче, кто ты? Быть *рядом* с престолом это ведь... почти *на* престоле? Так долго ли перешагнуть через это „почти“? Разве ты права не имеешь?»

Другое сердце заводило иные речи: «Ты с этой землею связан навеки. Ты один из ее хозяев, но ты же и служебник ее. Твой отец, дед, прадед и прапрадед честно дрались с татарами, литовцами, шведами и ливонскими немцами. Поцеловав крест государю московскому, стой твердо за него и за христианскую веру, служи прямо и верно».

Величие предков влекло потомка к двум разнонаправленным путям. Пойти по первому из них звали воспоминания о самостоятельном княжении, о правлении в городах и областях богатого Суздальско-Нижегородского княжества, о недолгом, но ярком первенстве на Москве. Ко второму подталкивала память о громкой воинской славе рода, о почестях, заработанных на полях сражений и принятых от великого государя.

³⁸ В относительном, процентном смысле.

И кто из русских «княжат» XVI в. не жил двоемысленно? Разве только самые слабые, самые худородные, да еще... лучшие христиане. А добродетели богатырские, княжеские, можно сказать, «кшатрические» только тогда приносили на Руси добро, когда бывали крепко взнузданы добродетелями христианскими. И только тогда держава наша строилась как общий дом.

Русской знати – не только Шуйским, но и просто большинству служилых аристократов – этой узды не хватало. Энергия распирала их. Отсюда проистекает и все неистовство их судеб.

* * *

Иван Петрович начинал службу, как и отец, на относительно скромных должностях. Самое раннее упоминание его в воинских разрядах относится к декабрю 1562 г.

В зимнем полоцком походе 1562/63 г. князь Иван – всего-навсего один из знатных людей в свите государя³⁹. Честь без власти. Это должность для молодого человека. Как видно, И.П. Шуйский родился скорее где-то в первой половине 1540-х, чем во второй половине 1530-х.

Должность не требовала от него принятия каких-либо тактических решений. Зато «полоцкое взятие» подарило ему, возрастающему полководцу, ни с чем не сравнимый опыт. В первом же своем боевом походе князь Иван получил представление о масштабной операции по взятию крупного города, для которой московское правительство сконцентрировало колоссальные силы. Вот это школа! Князь еще не раз будет свидетелем и участником осадных операций. Сам испробует нелегкий труд «градоемца», а затем отведаст, каково быть на противоположной стороне – в крепости, среди осажденных. Военная карьера его завершится величайшей во всей истории Московского царства защитой города. Когда польский король попытается взять Псков на копье, наступит звездный час в судьбе Ивана Петровича... И он не раз, надо полагать, вспомнит, как дрался двадцать лет назад под стенами Полоцка, чему научила его та давняя военная страда. Вся служилая биография князя – будто струна, туго натянутая между Полоцком и Псковом...

И.П. Шуйскому предстоит сделаться не только крупным военачальником, но и выдающимся политическим деятелем. Ему суждено прожить долгую жизнь, получить боярский титул, при двух государях заседать в Боярской думе, вершить великие дела правления. И здесь, на Западной Двине, получал еще и политический опыт: на его глазах развязывался узел, приводивший целый регион в страшное напряжение.

³⁹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 130.

Глава 4. Взятие Полоцка

С середины 1530-х гг. более четверти века мир царил на Полоцкой земле. Московское государство и Великое княжество Литовское, в достаточной мере испытав силы друг друга в предшествующие пятьдесят лет, долгое время избегали серьезных конфликтов. Внешнеполитические приоритеты Москвы переместились на восток: основные силы брошены были на борьбу с Казанью, Астраханью и Крымом. С 1558 г. московский государь был занят войной в Ливонии.

Но так не могло продолжаться бесконечно. Две огромные державы должны были вновь схлестнуться – рано или поздно. Московские государи считали «Литовскую Русь» своим владением, вотчиной Юрикова рода, временно утраченной предками. Они желали ее вернуть – всю, со всеми городами и областями, расположенными на территории прежней Киевской Руси. Общее вероисповедание связывало Россию и «Литовскую Русь». Давно знакомое давление католицизма и новая угроза протестантского наступления заставляли подданных великого князя Литовского обращать взоры к Москве. В то же время Вильно и Варшава все больше и больше сближались. Интересы русского православного населения все больше и больше оказывались чужими, ненужными, да и просто опасными для монархов Польско-Литовского государства. Земли, отвоеванные Россией на западе, представлялись виленским политикам такой же «временно потерянной территорией», какую в Москве видели в русских областях, еще оставшихся под властью Вильно. Проще говоря, Москва считала, что давно пора забрать у Литвы Полоцк – как плод, созревший и перезревший, а потому просящийся в руки; в Вильно же недоумевали: почему это московский государь до сих пор удерживает Смоленск, Вязьму, Новгород-Северский – какая несправедливость!

И вот в начале 1560-х на Полоцке как будто свет клином сошелся. Ожесточенная борьба двух великих держав подходила к его стенам все ближе и ближе, покуда город не захлестнуло море огня...

Столкновение интересов Московского и Польско-Литовского государств было неизбежным. Оно произошло в рамках большого вооруженного противоборства за Ливонию и создало почву для новой кровопролитной войны между ними.

В 1560 г. завершился первый период Ливонской войны, период блистательных успехов московских войск. С этого времени начала осложняться международная обстановка на Балтике. Острова в Рижском заливе были куплены у епископа Эзельского датчанами. В 1561 г. Ревель присягнул на верность шведскому королю Эрику XIV. В том же году ливонские земли, еще не занятые войсками Ивана IV, окончательно отложились в пользу Польско-Литовского государства. Таким образом, Ливония была буквально разорвана четырьмя враждующими державами.

Военные кампании 1561 и 1562 гг. не принесли решающего успеха ни Польше, ни Московскому государству. Победы русских войск под Перновом и Тарвастом сменились поражением у Невеля.

Попытка сватовства Ивана IV к Екатерине Ягеллонке, сестре польского короля Сигизмунда Августа, окончилась неудачей, и это лишь подлило масла в огонь войны. Польский историк К. Пиварский справедливо отмечал, что переговоры о браке русского царя и Екатерины Ягеллонки «углубили взаимные противоречия»⁴⁰. Известный историк-писатель К. Валишевский называл Екатерину «новой Еленой, из-за которой собирались воевать народы»⁴¹. В 1562 г.

⁴⁰ Piwarski K. Niedoszła wyprawa t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567–1568) // *Ateneum Wilenskie*. Rok IV. Zeszyt 13. 1927. С. 261.

⁴¹ Валишевский К. Иван Грозный. М., 1989. С. 215.

она вышла замуж за Иоанна (Юхана), герцога Финляндского, будущего короля Швеции. Эта неудача должна была быть вдвойне досадной для Ивана IV, поскольку «невесту» перехватил отпрыск «мужичьего», по его мнению, рода шведских королей. Он сам был в то время женат на Марии Темрюковне, и сватовство к Екатерине Ягеллонке выглядело с точки зрения христианских идеалов чудовищно. Но в глазах Ивана IV подобные вещи не были позорными и недопустимыми: он ставил себя выше любых обычаев, законов, канонов христианства.

С военной и дипломатической точки зрения претензии Московского государства на Ливонию были поставлены под сомнение. И разрубить узел противоречий можно было только решающим военным успехом. Русско-польские переговоры в начале 1562 г. к заключению перемирия не привели. Более того, Сигизмунд Август искал союзника в крымском хане Девлет-Гирее, ожидая, что осенью – зимой 1562 г. тот либо сам вторгнется в московские земли, либо отправит «царевича с войском» и тем самым оттянет русские силы на себя⁴² (чего не произошло).

Остаться один на один с Москвой Польско-Литовское государство еще не было готово. Король Сигизмунд Август ввязался в рискованную войну, имея достаточно внутренних проблем.

Пожалуй, серьезнейшую из них составляли конфессиональные распри. Н. Малиновский следующим образом охарактеризовал религиозную атмосферу тех лет в Польско-Литовском государстве: «Никогда ни до того, ни после того не было столь сильной розни по вопросам веры в Польше, чем в правление короля Августа...»⁴³ В то время в Короне соседствовало множество вероисповеданий: римско-католическое, православное, протестантское, григорианское, иудаизм, ислам и даже язычество – причем каждое из них разделялось на несколько течений, ересей, сект. Ненадолго духовенству удалось выпросить у короля привилей, разрешавший казнить еретиков смертью. На сеймах шла жестокая пререкания о предметах церковной юрисдикции. Шляхта не желала говорить ни о каком отпоре неприятелю, прежде чем у духовенства не будет отобрано право суда над нею по делам об *odszczępienstw'e* (расколе веры). Папы Пий IV и Григорий XIII активно вмешивались в польский религиозно-политический конфликт, отправив к королевскому двору опытного дипломата Коммендони. Тем не менее в середине XVI в. реформационные движения получили в Польше широкое распространение⁴⁴ и оттуда стремительно шагнули на литовские и белорусские земли. Протестантизм разного толка имел тогда в Великом княжестве Литовском сильного покровителя в лице королевича Сигизмунда Августа⁴⁵, ставшего впоследствии королем. В самом Полоцке в конце 1550-х – начале 1560-х гг. возник кальвинистский сбор, разогнанный после прихода московских войск⁴⁶.

Дополнительные сложности представляло дело окончательного объединения Польши и Литвы – политическая уния на новых условиях. Белорусско-литовская шляхта рассчитывала при помощи унии сравняться с польской. Напротив, магнаты Литвы сопротивлялись унии, не желая терять своего доминирующего положения в стране. Польская шляхта стремилась приобрести новые поместья в литовско-белорусских землях и получить прочный буфер для отражения московской опасности. Вопрос об объединении еще более усложнялся узаконенным неравноправием православной и католической шляхты. Напротив, дополнительным стимулом

⁴² Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. № 138–152.

⁴³ Вступительная статья Н. Малиновского // Jan Albertrandi. Pamiętniki o dawniejszej Polsce... listy Jana Franciszka Commendoniego Karola Borromeusza. Wilno, 1851. T. I. С. XXII–XXVI.

⁴⁴ Czubiński A., Topolski J. Historia Polski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź (Ossolineum), 1988. С. 147–148; Dzieje Polski, Warszawa, 1978. С. 286–287.

⁴⁵ История церквей гельветического исповедания в Литве // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1847. Кн. VIII. С. 1–4.

⁴⁶ Иванова Л.С. Из истории реформационной церкви в Полоцке // Гісторыя і археалогія Полацка і полацкай зямлі. Полацк, 1992. С. 25.

вступить в унию с Польшей была военная опасность со стороны Московского государства и татар. Польские историки стоят на той точке зрения, что в середине XVI столетия Литве грозила политическая катастрофа, и «...спасти ее могла только быстрая помощь Польши»⁴⁷. М.К. Любавский убедительно доказал, что именно Ливонская война повлияла на настроение умов в Великом княжестве Литовском в пользу унии⁴⁸. В 1562 г. литовско-белорусская шляхта организовала «конфедерацию», добивавшуюся унии с Польшей.

В такой ситуации Великое княжество Литовское было совершенно не в состоянии вести серьезные боевые действия. «Никто не поспешил» на сбор войск у гетмана Николая Радзивилла «ко дню св. Николая» в 1562 г. Сами польские историки признают тот факт, что призывы к обороне шли в Литве очень медленно, и поход Ивана IV зимой 1562/63 г. был, как ни странно, неожиданным⁴⁹.

Таким образом, время для великого полоцкого похода было избрано весьма удачно.

В XV–XVII вв. московско-литовский рубеж находился в состоянии непрекращающейся полувойны. Удивительным было скорее не начало настоящей войны, а затянувшееся мирное время. Два чрезвычайно мощных государства в бесконечном территориальном споре руководствовались столько абстрактными интересами, сколько конкретными возможностями нанести эффективный удар по противнику. Вопросы религии, национальности, исторической справедливости учитывались... наряду с вопросом принципиально иного свойства. С одной стороны литовско-московского рубежа была многочисленная, небогатая и потому алчная шляхта, а с этой – такой же небогатый и алчный и не менее воинственный «средний служилый класс», по терминологии Хелли⁵⁰. Именно они составляли боевое ядро литовской и русской армий. Их требовалось «кормить», а лучше всего «кормила» большая удачная война. С этой точки зрения понятен выбор Полоцка в качестве объекта для нанесения удара: Полоцк был богат, многолюден, имел большой торгово-ремесленный посад. В XVI в. это был крупнейший город на территории современной Белоруссии⁵¹, т. е. Иван IV и его армия могли рассчитывать на огромную добычу, как, в сущности, и произошло.

Взятие Полоцка давало целый ряд дополнительных выгод, прекрасно охарактеризованных Одерборном: «[Иван] Васильевич в высшей степени жаждал захватить этот город по причине важного его положения, славы и величия, богатств, возможности безо всяких затрат содержать в нем войско и, наконец, благоприятного случая совершать нападения глубже в литовские земли и осуществлять из Полоцка управление на большой территории...»⁵². Действительно, вся Ливонская война велась «под лозунгом овладения наследием, якобы оставленным Августом-кесарем своему далекому потомку Рюриковичу»⁵³. Иван IV считал Ливонию и тем более западнорусские земли своим владением по праву. И слава Полоцка, центра древнего княжения, как нельзя более привлекала царя. С другой стороны, Полоцк нависал над южным флангом русской группировки в Ливонии, отсюда московские корпуса, осаждающие ливонские крепости, всегда могли получить страшный удар во фланг и тыл. Потеря же Полоцка Великим

⁴⁷ Arnold S., Michalski J., Piwarski K. Historia Polski od polowy XV wieku do roku 1795. Warszawa, 1955. С. 30.

⁴⁸ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 294–297.

⁴⁹ Mienicki R. Egzultanci Poloccy (1563–1580 г.) // Ateneum Wileńskie. Rocznik IX. Wilno, 1934. С. 34; Piwarski K. Niedoszła wyprawa t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwc (rok 1567–1568 // Ateneum Wilenskie. Rok IV. Zeszty 13. 1927; Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitey. Lwów – Warszawa, 1922. С. 163.

⁵⁰ Hellie R. Enserfment and military change in Muscovy. Chicago; London, 1971. С. 267–268.

⁵¹ Коркунов М. Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. и тогдашние планы Полоцка и окрестных крепостей // ЖМНП. 1837. № 8. С. 6–7; Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 50; Полоцк. Исторический очерк. Мн., 1987. С. 31.

⁵² Oderborni P. // Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin-Petropolis. Т. II. С. 225.

⁵³ Хорошкевич А.Л. Опричина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 85.

княжеством Литовским создавала непосредственную опасность для Вильно: в руках Ивана IV оказывался ключ от литовской столицы.

Впоследствии Стефан Баторий в первом своем походе против Московского государства опять-таки направил усилия на отвоевание Полоцка. Этот город позволял польско-литовскому монарху создать угрозу отсечения Ливонии от внутренних районов России и предоставлял отличный плацдарм для наступления на псковско-новгородские земли⁵⁴...

Иными словами, Полоцк оказался ключевой позицией на доске великой войны.

Кроме всего изложенного выше, царь и митрополит не без основания тревожились за судьбу православия в западнорусских землях и были недовольны приближением протестантского влияния к самым границам страны. В середине XVI в. на территории Великого княжества Литовского распространяются среди прочих и радикальные версии протестантизма: кальвинистская и антитринитарная. В 1560-х гг. на восточнославянских землях реформационное движение достигает значительного размаха, причем одно из ведущих мест в нем заняли антифеодальные идеи. Очевидную связь между еретическими движениями в Московском государстве и реформационными течениями в Великом княжестве Литовском можно усматривать в феодосианстве⁵⁵. По мнению Г.Я. Голенченко, феодосианство сыграло немаловажную роль в развитии реформационных идей в Литве, и как раз в Полоцке подвизался один из главных феодосиан, покинувших московские пределы, монах Фома. Он женился на еврейке и стал проповедником кальвинистского сбора⁵⁶. Полоцкий поход был официально мотивирован желанием Ивана IV наказать Сигизмунда Августа «за многие неправды и неисправления», но «наипаче же горя сердцем о святых иконах и о святых храмах священных, иже безбожная Литва поклонение святых икон отвергше, святые иконы пощепали и многая ругания святым иконам учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую веру и закон оставльше и поправше, и Люторство восприаша»⁵⁷.

Георгий Федотов замечательно точно подметил: «Царь любил облекать свои политические акты – например, взятие Полоцка – в форму священной войны против врагов веры и церкви, во имя торжества православия»⁵⁸. В преддверии похода народу и армии было объявлено о чудесном видении брату царя, князю Юрию Васильевичу, и митрополиту Макарию о неизбежном падении Полоцка⁵⁹. 30 ноября, в день выхода войск из Москвы, Иван IV совершил торжественный молебен; по его просьбе митрополит Макарий и архиепископ Ростовский Никандр повели крестный ход с чудотворной иконой Донской Богородицы, в котором приняли участие сам царь, его брат князь Юрий Васильевич «и все воинство». В поход Иван IV взял чудотворные образы Донской Богородицы и Крылатской Богородицы, а также святыню номер один всей Западной Руси – драгоценный крест, вклад святой Ефросинии Полоцкой в Спасский монастырь (в настоящее время известен как «крест Лазаря Богши»), оказавшийся в казне великих князей Московских. Уже по прибытии под стены города войско было ознакомлено с ободряющим и призывающим крепко стоять против «безбожных Литвы и прескверных Лютор» посланием архиепископа Новгородского Пимена⁶⁰.

⁵⁴ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). С. 43.

⁵⁵ Дмитриев М.В. Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990. С. 38–39.

⁵⁶ Голенченко Г.Я. Идеи и культурные связи восточнославянских народов в XVI – сер. XVII вв. Мн., 1989. С. 101–119; Wegierski A. Libri quattuor Slavoniae Reformatae. Warszawa, 1973. С. 263, 446; «Истины показание». ГБЛ. Троицк. № 673. Л. 371 об.

⁵⁷ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 302.

⁵⁸ Федотов Г.П. Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991. С. 60.

⁵⁹ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 190.

⁶⁰ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 302–303, 306–308.

Князь Петр Иванович Шуйский, несомненно, имел представление о политических и профессиональных сложностях в лагере неприятеля. И он знал, до какой степени Полоцк важен для всей войны из-за своего расположения. Как отец, он разъяснял всю эту непростую ситуацию сыну, и тот жадно внимал, научаясь быть «мужем брани и совета».

Судя по тому, что первый разряд для похода был составлен в сентябре 1562 г., подготовка войск началась именно тогда. По своему масштабу это военное мероприятие было грандиозным, едва ли уступавшим походу на Казань 1552 г., и требовало тщательной организации сбора сил.

13 сентября 1562 г. Иван IV вернулся в Москву из Можайска, и уже до 22 сентября был составлен 1-й разряд планируемого похода. В этот день были разосланы приказы по городам и московским воинским людям «чтоб... запас пасли на всю зиму и до весны и лошадей кормили, а были б по тем местом, где которым велено быти, на Николин день осенней». 23 сентября на Вятку, Балахну, Кострому, Чухлому, а также в Галич, Унжу, Парфеньев, Каликино, Шишкилево, Жехово, «в Судаи», в «Верх Костроми» и к Соли Галицкой были посланы дети боярские «сбирати пеших людей». В ближайшие дни воеводам по городам на «годовой службе», назначенным для похода на Полоцк, было указано быть готовыми к «зимней службе», а духовенство получило повеление «нарядить» 230 «своих людей»⁶¹.

Рать собиралась по полкам в 17 городах, не считая сил, которые вышли с самим царем из Москвы. Общая численность всех сил составляла, как минимум, порядка 120 тысяч человек. Эти данные складываются из нескольких источников. Подробный разряд Полоцкого похода указывает, что дворян набрано было около 19 тысяч, казаков, служилых черкасов, мордвы, татар – около 12 тысяч. Видимо, в этом разряде не указаны вооруженные дворовые люди дворян (боевые холопы), поэтому число бойцов дворянского ополчения может быть и значительно выше. Летопись, а также сочинение Файта Зенга дают численность стрельцов (не вошедших в разряд) – 12–20 тысяч⁶², но даже меньшее число здесь может быть преувеличением, а большее – преувеличение заведомое. Псковский летописный свод 1567 г. говорит о 81 тысяче человек, составивших «посоху» – толпы людей, предназначенных для транспортных, погрузочно-разгрузочных и инженерных работ. Отсутствуют данные о посохе по другим городам, кроме Пскова. Следует поставить данную цифру под сомнение: демографический потенциал Псковской земли XVI столетия довольно скромнен, вряд ли она могла дать 80 с лишним тысяч посошан. Явно речь идет о посошанах, вызванных из разных городов России⁶³.

Стоит разобраться в этих цифрах. Иностранцы, посещавшие Московское государство в XVI столетии, нередко писали о колоссальных армиях, собиравшихся по воле наших государей: 200 тысяч бойцов, 300 тысяч бойцов... Но до какой степени это можно считать правдой? Страна ни в экономическом, ни в демографическом смысле не могла обеспечить бое-

⁶¹ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 301; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 30–32.

⁶² А. Лобин считает, что стрельцов было порядка 4 тысяч московских плюс незначительное количество городских. Это заключение делается им на основе подсчета стрелецких голов, упомянутых в Разрядной повести о «полоцком взятии» (упомянуто стрелецких 8 голов). Их количество умножается на штатное число бойцов стрелецкого «прибора» («приказа») в 500 ратников. Итого получается 4 тысячи. Но характер упоминания стрелецких голов в Разрядной повести оставляет возможность того, что названы не все головы. Далеко не все силы армии были использованы в боевых действиях под стенами города и в противодействии деблокирующему литовскому корпусу. А значит, могли быть задействованы не все стрелецкие приказы и, следовательно, не все стрелецкие головы упомянуты, поскольку Разрядная повесть перечисляет тех, кто так или иначе выполнял тактическую работу. Следовательно, стрельцов могло быть и больше (*Лобин А.Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia slavica et Balcanica Petropolitana.* 2009. № 1–2. С. 55). Поэтому пока цифра в 12 тысяч не может быть окончательно снята.

⁶³ Посоха собиралась для похода 1562 г. в Можайске, Калуге, Ярославце, Кременске, Верее, Вышгороде, Боровске, Рузе, Звенигороде, Волоке, Погорелом городище, Зубцове, Ржеве, Холме, Молвятицах, Пскове и Вязьме (См.: *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 29–30); Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 312; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 33–45; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. 1955. С. 243–244; *Форстен Г.В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. № 33.

вой выход такого количества полноценно вооруженных, обученных, обеспеченных конями и всем необходимым снаряжением ратников. Впечатление многолюдства создавала как раз посоха – многочисленная, плохо вооруженная или же вообще безоружная: обозники-«кошевые», обслуга артиллерийских орудий... Это, конечно, второстепенные по своей боевой значимости силы, они в принципе не способны сыграть в бою сколько-нибудь значительную роль. Посохи под Полоцком могло быть 30 тысяч человек, как полагает современный историк А.Н. Лобин, поскольку этого количества хватило бы для обслуживания артиллерийского парка нашей армии. Ее могло быть в несколько раз больше (и это более вероятно): Псковская летопись четко говорит о 81 тысяче посошан, причем у псковичей была возможность подсчитать численность посошной рати, поскольку они занимались ее материальным обеспечением; да и рабочие руки посошан требовались не только при обслуживании пушек, но и для многочисленных инженерных работ. Однако все эти десятки тысяч нельзя было поставить в строй при вооруженном столкновении с неприятелем. Поэтому надо признать: численность посошной рати слабо влияла на реальную боеспособность армии.

Боевое ядро составляли четыре силы: во-первых, дворянское ополчение, во-вторых, служилые иноземцы (европейские наемники), служилые татары, мордва, черкасы, ногайцы и т. д., в-третьих, казаки и, наконец, в-четвертых, стрельцы. Если высчитать силу этого боевого ядра в полоцком походе, то она минимально составит порядка 35 тысяч воинов (19 тысяч конных дворян, 12 тысяч казаков, служилых черкасов, мордвы, татар, а также минимальное количество стрельцов, определенное современным исследователем в 4 тысячи). Максимально возможная численность ратников значительно выше. По современным представлениям, в начале Ливонской войны количество «боевых холопов» или, иначе, «боевых слуг», приведенных с собою помещиками, составляло в среднем несколько менее одного дополнительного полноценного бойца на одного дворянина⁶⁴. Таким образом, численность дворянской конницы следует увеличить на 19 тысяч бойцов (итого ее будет примерно 38 тысяч). А если численность стрельцов принять в 12 тысяч, тогда количественная мощь всего боевого ядра русского войска составит 62 тысячи человек – без учета иностранных специалистов и ратников из сопровождения артиллерии. Итого: между 35 и 62 тысячами человек.

Для того времени это весьма значительная сила. Молодому Шуйскому повезло видеть перед собою армию, которая сосредотачивалась для великого дела раз в несколько лет, а при более спокойной обстановке – в несколько десятилетий. Последний раз сравнимое по силе воинство Москва собирала в 1552 г. – для взятия Казани.

Известно, что «наряд» (артиллерийский парк) грозненской армии был огромен. По современной реконструкции, в него входило 4 гигантских осадных пушки (ядра весом от 160 до 320 кг), 36 «верховых» и «огненных» орудий, 3 крупнокалиберных пищали, а также 100–110 орудий меньшего калибра. При «наряде» находилось около 1500 дворян и 1000 казаков, возможно, к его обслуживанию были привлечены английские, немецкие, итальянские инженеры и артиллеристы⁶⁵. В распоряжении историков нет сведений о более масштабной артподдержке какой-либо наступательной операции вооруженных сил России в XVI столетии.

Не позднее 20-х чисел ноября был составлен уточненный разряд похода, так как именно в эти дни (до 27 ноября) в Москве находился литовский «гончик (посланец. – Д. В.) Сенка Олексеев», тщетно пытавшийся добиться перемирия. Для будущих литовских послов царь велел выдать «опасную грамоту», но сами переговоры с С. Олексеевым велись, очевидно, лишь для отвода глаз, и отпущен он был с Лобаном Львовым по дороге через Тверь – Псков – Юрьев Ливонский, т. е. значительно севернее маршрута движения московских войск. Литовского

⁶⁴ Смирнов Н.В. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI – первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 374.

⁶⁵ Лобин А.Н. Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 года // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 137–140; Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатический. Вып. 10. М., 2004. С. 128.

посланника велено было придержать во Пскове до того момента, «когда государь с Лук пойдет, чтобы на государеву рать вести не дал»⁶⁶. Этот фокус с задержкой послов, кстати говоря, Иван IV применял неоднократно, например в 1564 г.: Коммендони 7 января 1564 г. сообщал кардиналу Борромео из Варшавы: «Я только что узнал, что вельможа Его Величества (короля Сигизмунда Августа. – Д. В.), посланный в Москву с целью выхлопотать свободный проезд для послов, спешно возвратился и прибыл вчера вечером (6 янв.). Он принес весть, что великий князь принял и выслушал королевских послов; однако тогда же отправил свое войско в Литву, не считаясь с договорами о мире. Поэтому послы сколь можно спешно возвращаются. Но говорят, что и войско поспешает за ними. Это известие – сверх всяких ожиданий, и, видимо, можно встревожиться не на шутку»⁶⁷.

Иными словами, маршрут был к 27 ноября окончательно определен.

Трое Шуйских получили посты в армии вторжения.

Во-первых, отец князя Ивана, боярин князь П.И. Шуйский. Он получил высокую должность второго воеводы в большом полку. Непосредственно ему подчинялось 950 вооруженных дворян⁶⁸. Кроме того, сама должность выдвигала его на роль одного из главных руководителей всего воинства. Можно сказать, он оказался в составе штаба полевого соединения. Выше него стоял князь Владимир Андреевич Старицкий, но старшинство удельного князя – чисто номинальное. Всем распоряжались царские воеводы. Первым воеводой в большой полк поставили князя Ивана Дмитриевича Бельского. Он по праву считался одним из знатнейших людей царства, обладал большим тактическим опытом и не был обделен отвагой. Но совсем недавно ему пришлось испытать тяжелую опалу. Царь имел основания сомневаться в его верности. 116 знатных людей в 1562 г. подписали «поручную грамоту», где обязались выплатить колоссальную сумму в 10 тысяч рублей, если И.Д. Бельский «отъедет» к другому государю. Опасались, конечно, не побега к крымцам или шведам, а перехода через литовский рубеж. С русско-литовской знатью он, как родовитый Гедиминович, был связан кровно... И вот его ставят... во главе армии, идущей под Полоцк, во владения великого князя Литовского! Очевидно, второй воевода, то есть как раз И.П. Шуйский, получил вместе с высокой должностью своей дополнительную заботу: «приглядывать» за Бельским. Ведь, не ровен час...

Его сына, князя Ивана, определили в группу из 11 знатных молодых людей, коим вменялось в обязанность «за государем ездити». Они представляли собой не столько охрану Ивана IV, сколько команду его «порученцев», а также пышный аристократический эскорт. Для Ивана Петровича это назначение являлось не только почестью. Оно открывало возможности следить за всем ходом боевых действий из центра, где принимались важнейшие тактические решения. Молодой князь, будущий полководец, мог набираться опыта, наблюдая работу опытных военачальников. А то, чего он не знал или не понимал, мог рассказать и объяснить ему отец, находившийся неподалеку.

Князя Ивана Андреевича Шуйского назначили есаулом в полку самого государя. Его особой обязанностью было «спати в стану» Ивана IV, т. е. охранять сон монарха. Это был довольно отдаленный родич князя Ивана, представитель старшей ветви в семействе Шуйских, сын видного политического деятеля князя А.М. Шуйского по прозвищу Честокол, казненного в малолетство государя (1543). Как уже говорилось, летопись приписывает инициативу казни самому Ивану Васильевичу, тогда – тринадцатилетнему отроку. Но сыну казненного царь странным образом доверял, держал его «в приближении». Вот еще один аргумент в пользу того, что казнь

⁶⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 99; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 301.

⁶⁷ Albertrandi J. Pamiętniki o dawniej Polsce... listy Jana Franciszka Commendonі do Karola Borromeusza. Wilno, 1851. Т. I. С. 11. Иван IV, таким образом, пытался дважды поймать западного соседа на один и тот же крючок.

⁶⁸ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 126.

отца могла совершиться именем юного монарха, но по замыслу и волей служилых аристократов, противостоявших «партии» Шуйских.

30 ноября царь Иван IV выступил с войском из Москвы. 4 декабря он был уже в Можайске. Здесь московские ратники остановились на две недели. Из Можайска к отрядам, собиравшимся по городам, были разосланы списки. Общий сбор назначили на 5 января – в Великих Луках. Там же, вероятно, должен был состояться и первый смотр собравшейся армии⁶⁹.

К назначенному сроку к Великим Лукам успели подойти все отряды. В один день! Это образец гибкости и слаженности военной машины Московского государства, удивительный даже и для последующих столетий.

Из истории западноевропейского военного искусства в один ряд с подготовкой и сбором войск Ивана IV в зимнюю кампанию 1562/63 г. можно поставить, пожалуй, один лишь знаменитый марш армии Оливера Кромвеля к Вустеру. Итальянец Алессандро Гваньини, долгое время служивший в Польше, хвалил тогда русское дворянство, собиравшееся в походы с удивительной быстротой, по первому приказу царя. Он был свидетелем работы русской военной машины грозненских времен и знал, о чем пишет, не понаслышке... К подобным спешным, но четко организованным действиям русские воинские люди были приучены многовековым противостоянием молниеносным набегам ордынцев. Гибкость военного управления в период Московского государства справедливо отмечал Дж. Кип, противопоставляя ее регулярному, но всебюрократизированному и громоздкому военно-административному аппарату Российской империи⁷⁰.

В Великих Луках войска стояли до 9 января. Здесь был составлен разряд «путного шествия», согласно которому, дабы не было «воинским людям истомы и затору», полки выходили из города с интервалом в один день. Именно в Великих Луках был определен состав полков; до этой пятидневной стоянки армии как таковой еще не существовало. Дело сбора столь крупных воинских сил не являлось для московского командования чем-то совершенно новым: позади было взятие Казани. Однако единственный случай на историю целого поколения – еще не практика (походы в Ливонию не в счет – они не отличались таким размахом).

Отсутствие подобного опыта составляло существенное отличие московской военной системы от привычных к стратегическим операциям вооруженных сил восточных монархий. С этой точки зрения, московская армия сближалась с армиями европейских государств XVI в. Четкое управление 60 с лишним тысяч боевых сил и целым морем посохи требовало тонкой, сложной организации. Тактика действий московских войск в небольших кампаниях была элементарно проста: армия делилась на три неравновеликих полка плюс «наряд», если он был. Вся карельская война с Густавом Вазой, например, велась силами не более трех полков... Кампания покрупнее требовала пяти полков: с пятью полками Юрий Захарыч встретил литовцев на Ведроше в 1500 г. Шестью полками брали Смоленск в 1514 г. Семь полков (государев, большой, правой и левой руки, передовой, сторожевой и ертоул) бились за Казань в 1552 г. Наличие семи полков и присутствие самого царя в армии говорят о неординарности похода. Так вот, в Великих Луках московская армия была разделена на семь полков, выходивших из города в следующем порядке: ертоул – передовой полк – полк правой руки – большой полк – государев полк – наряд – полк левой руки – сторожевой полк⁷¹. Организационная простота впоследствии породит большие сложности в управлении армией на марше.

Воинский смотр был назначен на момент прибытия к Невелю, но есть все основания предполагать, что уже в Великих Луках состоялся предварительный смотр: так как едва ли

⁶⁹ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 303; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 32–45.

⁷⁰ Замечания иностранца XVI века о военных походах русских того времени и преданности их к государю своему // Отечественные записки. 1826. Ч. 27. С. 92–94; *Keep J.* Soldiers of the tsar. Oxf., 1985. С. 14.

⁷¹ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 304.

составление полков можно было произвести по спискам, без смотра. Лебедевская летопись сообщает, что в Великих Луках Иван IV «...росписал... бояр и воевод и детей боярских по полком. И головы с людьми, и сторожи, и дозорщики, и все чины полковые служебные устроил...»⁷². Это свидетельствует в пользу того, что первый смотр произошел все же в месте сбора войск.

Артиллерия была поделена на три отряда: «средний» и «лехкой» «наряды» шли на Полоцк за государевым полком и с первого же дня осады вступили в дело, а «большой наряд» был отправлен позади всех полков и прибыл к Полоцку по прошествии недели боев⁷³.

Наибольшую сложность представляла организация движения посошан. И московским воеводам не удалось найти для этой задачи приемлемого решения. В походе посошанам предназначалась роль вспомогательного войска: на их долю выпало заниматься инженерными работами, таскать на себе пушки, порох и прочие припасы, выполнять обязанности по лагерю и по обозу. Они же должны были принести к месту осады несколько тысяч мешков с землей и песком для заполнения туров. (Очевидно, эта мера была предпринята с тем, чтобы не возиться с мерзлой землей.) Иван IV берег лошадей и не велел использовать их на этих работах. Помимо всего этого на пути от Великих Лук к Полоцку необходимо было приготовить «мосты дубовые... с которыми мосты итти... к приступу» и щиты, «с которыми итти перед туры». Без сомнения, рабочая сила, нужная для этих работ, доставлялась посохой. И посошная же рать «чистила дорогу», так как участок похода от Невеля до Полоцка считался местами «пустыми, тесными и непроходимыми», а также строила мосты для пушек по царскому наказу⁷⁴.

В такой ситуации хоть сколько-нибудь организовать громадное, слабоуправляемое и тяжело нагруженное скопище посошан было чрезвычайно трудно. Если не вся посоха, то существенная ее часть объединена была в полковые коши – отряды, переносившие лагерные и прочие принадлежности и припасы, которые числились за отдельными полками. Царь «приговорил» каждому кошу следовать за своим полком⁷⁵. Но отнюдь не все громоздкое кошевое хозяйство поспевало за воинскими людьми.

14 января 1563 г. царь со своим полком и кошем выступил из Великих Лук. В этот день и начались «накладки»: многие посошане-кошевщики трех шедших впереди полков не успели выйти раньше и образовали «в острожных воротах затор велик». Далее вся эта орда так и шествовала между большим и государевым полками, а также вместе с государевым полком, страшно затрудняя движение. Московское командование каждый день высылало «голов для заторов». Дело было осложнено царской «заповедью»: в целях сохранения внезапности за литовским рубежом никого не отпускать «ни на какую добычу», ни на фуражировку, и запасы везти с собой. Таким образом, отряды фуражиров несколько не разряжали мощного потока воинских людей и кошевщиков. Царь метался, пытаясь навести порядок, но тщетно. В результате «путное... шествие [было] нужно и тихо...». Не было никакой возможности провести смотр у Невеля, и 19 января он был перенесен на время прибытия под Полоцк⁷⁶.

Заторы на пути к Полоцку – результат неопытности московского командования, неготовности его к подобного рода боевой работе. Просто, по старинному обычаю, разделив армию на полки и «наряды», а затем разбив «посоху» и обозы по полкам, наши воеводы нашли способ решения тактической задачи, пригодный для войска вдвое-втрое меньшей численности. А

⁷² Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 304.

⁷³ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 310.

⁷⁴ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 304; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 45–46, 119–120.

⁷⁵ Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 46.

⁷⁶ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 304–305; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 47.

такая громада людей, пушек, обозных телег, которая двигалась от Великих Лук через Невель к Полоцку, нуждалась в более серьезной организационной схеме.

Молодой князь Иван скакал по заснеженным путям вместе с государем. Он собственными глазами видел, сколь сложные проблемы рождает обеспечение крупной полевой армии. Он везде был рядом с монархом, видел и слышал, какие принимаются решения, какие отдаются приказы...

Он учился.

В том числе и на ошибках других воевод.

Будущее предоставит ему возможность применить полученный опыт на практике...

Поход Ивана IV где-то на участке Великие Луки – Полоцк перестал быть секретом для полочан. Вести о нем принесли жители местности, по которой двигались царские полки. Либо, что более вероятно, с некоторого момента за армией велось наблюдение лазутчиками и дозорщиками. По дороге к Полоцку из русского войска бежал и перекинулся на сторону неприятеля окольныйчик Богдан Никитич Хлызнев-Колычев, сообщивший о движении московской силы. Этот человек ненадолго предвосхитил измену князя Андрея Курбского. (Сам А. Курбский писал позднее о том, что во время полоцкого похода в Невеле царем был собственно убит князь Иван Шаховский⁷⁷. Возможно, оба инцидента взаимосвязаны: то ли первый бежал, устрешенный казнью второго, то ли второй был убит по подозрению в связи с «изменным делом» первого.)

Несмотря на осведомленность полочан о движении русской армии, до короля польского вести об угрозе из-за восточного рубежа дошли слишком поздно. Его тогда не было в Литве, он присутствовал на сейме в Петркове и узнал о полоцких событиях уже после падения города.

Литовский гетман Николай Радзивилл не успел собрать достаточного войска для контрудара⁷⁸.

А что мог сделать один городской воевода Станислав Довойна? У него был небогатый выбор: или сдаться на милость Ивана IV, весьма, надо сказать, изменчивую в отношении завоеванных городов (Юрьева, например), или драться, ожидая подхода Радзивилла. Довойна избрал второй вариант, успев лишь «затвориться... со всеми людьми всего Полотцкого повета».

Иными словами, в конце января в Полоцке скопилась громадная масса людей разного звания и достатка. И тогда Иван IV делает неожиданный ход: он посылает к Довойне с грамотами, где обращается с предложением сдаться не к одному только воеводе, который, собственно, лишь и мог это сделать, а еще и к православному епископу Арсению Шишке, и к местной шляхте, и к полякам, обещая их «...пожаловать на всей воле их, какова жалованья похотят»⁷⁹. По всей видимости, царь рассчитывал посеять сомнения среди защитников города. Предполагалось, вероятно, что в городе имеются его доброжелатели. Это событие стоит запомнить и в свой срок к нему вернуться. Первоначальный результат, во всяком случае, был лишь тот, что «язык», отважившийся отвезти послания царя к своим, был казнен.

30 января, с последнего стана в пяти верстах от Полоцка, «царь ездил смотрити города...»⁸⁰. Время тактических маневров закончилось. Литовская сторона не успела воспользоваться тем преимуществом, которое дало ей промедление русских войск на марше. Далее исход дела могло решить лишь прямое вооруженное столкновение.

Ultimo ratio regis...

⁷⁷ Курбский А. История о великом князе московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 335.

⁷⁸ Górnicki Łukasz. Dzieje w Koronie polskiej za Zygmunta I y Zygmunta Augusta az do śmierci jego... Warszawa, 1954. С. 159; Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmódzka i wszystkiej Rusi (Далее: Strykowski...). Warszawa, 1846. Т. II. С. 413.

⁷⁹ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 305.

⁸⁰ Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 47.

Итак, несмотря на трудности в организации «путного шествия», заторы и «мотчание», огромная армия была в краткий срок собрана и быстро переброшена под самые городские стены Полоцка. Нет шахматной партии без ошибок или сомнительных ходов, но в итоге побеждает тот, кто делает меньшее их количество. На 30 января 1563 г. можно было констатировать: Иван IV и московские воеводы в дебюте сделали меньше оплошностей, нежели их противник, и добились существенно предпочтительной позиции.

* * *

Миттельшпиль полоцкой партии начался с расстановки полков вокруг города. Она заняла весь день 31 января. Перемещения полков выдают колебания русского командования, выбиравшего направление главного удара.

Первоначально, видимо, предполагалось нанести его из Задвинья, штурмуя город с юга, по льду Двины. За реку была послана большая часть сил: передовой полк отправили стоять на Виленской дороге «против Якиманские слободы» (т. е. в районе нынешнего парка 50-летия советской власти и несколько западнее); полк правой руки – «на Черсвятцкой дороге... против острова и Кривцовские слободы» (т. е. от нынешнего парка 50-летия Советской власти примерно до реки Бельчицы). Государев полк поначалу также был отправлен в Задвинье. Весь день он стоял «у Егорья Стратотерпца на поле», но к вечеру переправился через Двину и встал у Борисоглебского монастыря (восточнее полка правой руки). Таким образом, к вечеру 31 января на южном берегу Двины стояло 50 процентов всех войск. Ертоул встал в Заполотье, близ устья Полоты и, значит, против западной стены замка. Полк левой руки расположился на Себежской дороге (т. е. северо-восточнее ертоула, пересекая современную Октябрьскую улицу). Большой полк был поставлен «у Спаса на Шорошкове» – при Спасо-Ефросиньевом монастыре, очевидно, на правом берегу Полоты.

А.И. Филюшкин, А.В. Кузьмин и В.В. Пенской выразили мнение, согласно которому сосредоточение сил в Задвинье было вызвано опасением нападения извне, подхода подкреплений гарнизону и попытки деблокады; да и берег Двины тут был высоким и даже не имел дополнительных укреплений, поскольку гарнизону можно было не опасаться нападения с этой стороны⁸¹. Эта точка зрения не выдерживает критики: во-первых, появление деблокирующих сил противника в реальности вызвало отправку сковывающего отряда на дальние подступы, следовательно, русское командование не собиралось ждать подхода неприятеля под самый город и планировало парировать его действия на дальней дистанции; так при чем тут расположение полков осадного кольца? Во-вторых, потому-то атака по льду и представлялась выгодной, что город со стороны реки был защищен слабее.

3 февраля в расположении войск была сделана важная перемена: «учалася река порти-тися», и поэтому сильнейший государев полк перешел за реку и встал «у Егорья Великого». На место государева полка был отправлен более слабый полк левой руки. Сторожевой полк, примерно такой же численности, встал между большим полком и ертоулом – следовательно, сменил на этом месте ушедший в Задвинье полк левой руки. Мотивировка всех этих передвижений очевидна: атаковать Полоцк из Задвинья по хрупкому льду или, тем более, во время ледохода – полное безумие. В результате перегруппировки сил основная часть русских войск была сконцентрирована против городских стен Великого посада (большой полк с севера и государев полк с востока).

Таким образом, направление основного удара переместилось.

⁸¹ *Филюшкин А.И., Кузьмин А.В.* Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М., 2017. С. 32; *Пенской В.В.* Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного 1562–1570 гг. М., 2019. С. 96–96.

Наряд с 31 января стоял «меж Георгия Святого и Волова озера»⁸².

Но где этот храм «Егорья Страстотерпца», или «Георгия Святого»? Лебедевская летопись и разряд Сапунова однозначно говорят о сосредоточении государева полка и наряда около этой церкви, но точное местонахождение ее неизвестно.

Л.В. Алексеев в своей работе «Полоцкая земля IX–XIII вв.» высказывал предположение, что это был храм, посвященный отцу святой Ефросинии князю Георгию (т. е. был построен в XII в.), стоял он «вблизи ограды монастыря, ближе к городу», вероятно, у костела Святого Ксаверия, где в середине XIX в. виднелись кладки, сложенные из домонгольских плинф. Дополнительным доказательством своего утверждения Л.В. Алексеев считал путаницу в известии Стрыйковского, утверждавшего, что ставка Ивана IV в 1563 г. была у Святого Спаса (Спасо-Ефросиньев монастырь), – отсюда Алексеевым делается вывод о близком расположении двух построек, которое якобы и ввело хрониста в заблуждение.

На 2-й конференции по истории и археологии Полоцкой земли в 1992 г. исследователь высказал уже несколько иное соображение: Егорий Страстотерпец – церковь, построенная Георгием в 1120–1150-х гг. и обнаруженная в ходе раскопок М.К. Каргером к востоку от церкви Святого Спаса. В этом же храме была и полулегендарная гробница полоцких епископов. Подобное суждение уже высказывалось ранее и было определено П.А. Раппопортом как маловероятное⁸³.

И в том и в другом случае неясно, почему надобно искать Георгиевскую церковь в XII в., если о ней прямо свидетельствуют документы XVI в. Полоцкая ревизия 1552 г. охватила, в частности, земельные владения церквей и монастырей города и его окрестностей. В документах ревизии указаны две церкви Святого Юрия, или, точнее, церковь и монастырь. Церковь Святого Юрия «в Голубичах» не подходит по своему расположению. Зато отлично подходит «монастырь Светого Юрья в поли за местом», продолжавший существовать и в 1580-х гг., о чем свидетельствует известная опись полоцких церквей, составленная при Стефане Батории в 1580 г.⁸⁴ Ни о древности, ни о каком-либо выдающемся значении монастыря данные земельных описаний не говорят. Отнюдь! Согласно документам ревизии 1552 г., за монастырем числилось 8 человек, живших на монастырской земле и плативших подати в монастырскую казну. Кроме того, в Великом посаде на земле монастыря жил 1 мещанин. Монастырю также принадлежали «борти церковные». Все это было пожаловано панами Зиновьевичами Корсаками. Это крупнейшие светские землевладельцы Полоцка и его округа, представители младшей ветви рода Корсаков, выделившейся в конце XV в.⁸⁵ Для сравнения: крупнейшие полоцкие монастыри и церкви – Святая София, Борисоглебский монастырь, Спасо-Ефросиньев монастырь, Островский монастырь Святого Иоанна Предтечи – располагали землями с десятками и сотнями плательщиков. В числе земель, составлявших их владения, имелись пожалования святой Ефросинии (княгини «Агрефины»), великих князей полоцких Михаила, Семена, Андрея Ольгердовича. У Борисоглебского монастыря пожалования тех же Корсаков перемежаются с землями, приобретенными на собственные, монастырские средства. Таким образом, Юрьевский (Георгиевский) монастырь едва ли мог похвастаться хотя бы вековой историей, скорее всего, был невелик по размеру и не имел ни малейшего отношения к величественным постройкам домонгольского времени. Не мог он находиться и на правом берегу Полоты, поскольку о

⁸² Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 300–301; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 50–51.

⁸³ Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966. С. 212; Каргер М.К. Храм-усыпальница в Ефросиньевском монастыре в Полоцке // Советская археология. 1977. № 1. С. 240; Раппопорт П.А. Полоцкое зодчество XII века // Советская археология. 1980. № 3. С. 150.

⁸⁴ Полоцкая ревизия 1552 г. / Изд. И.И. Лаппо. 1905. С. 175, 179; Лаппо И.И. Описание полоцких владычных и монастырских церковных земель ревизорами 1580 г. М., 1907. С. 13.

⁸⁵ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1982. Вып. 4 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. С. 151; Полоцкая ревизия 1552 г. / Изд. И.И. Лаппо. 1905. С. 22, 175–176.

выходе московских войск, шествовавших с северо-востока по Невельской дороге, «к Егорью Страстотерпцу, Христову мученику» в Лебедевской летописи и воинских разрядах четко сказано до описания переправы части армии на правый берег Полоты. Материалы ревизии 1552 г. указывают на то, что монастырь находился «в поли за местом», а не за рекой, т. е. к востоку-северо-востоку от стен Великого посада, построенных почти перпендикулярно Двине⁸⁶. Наконец, ответ подсказывает сама логика расположения русских полков, осадивших Полоцк: против восточной стены Великого посада был поставлен сторожевой полк, и если, как утверждает Л.В. Алексеев, Георгиевская церковь стояла недалеко от Святого Спаса, то при перегруппировке сил 3 февраля его место остается незанятым. Таким образом, на самом ответственном участке в русских порядках образовалась бы громадная брешь, совершенно свободное пространство. Едва ли это было возможно, и остается предположить, что монастырь Святого Юрия, или Георгиевский, располагался на левом берегу Полоты, южнее Спасо-Ефросиньева монастыря и, возможно, южнее Волова озера.

Что же касается путаницы со ставкой Ивана Грозного, то на самом деле показания Лебедевской летописи и Хроники Стрыйковского⁸⁷ вполне могут быть согласованы друг с другом. В летописи действительно сказано: «...царь и великий князь пошел за Двину реку и стал у Георгия Великого», но это может указывать не только и не столько даже на перемещения Ивана IV лично, а скорее на движение государева полка. Царская ставка, таким образом, вполне могла быть и в Спасо-Ефросиньеве монастыре.

Еще 31 января стрельцам с нарядом из состава государева полка велено было «закопаться у Двины реки в березех и на острове». Ныне этого острова уже не существует. Но на картах конца XVI столетия⁸⁸ остров показан как раз напротив замка, ближе к южному берегу Двины. В наше время на месте Ивановского острова – лишь выступ берега с небольшой канавой и болотцем у основания. Березы, кстати говоря, растут там и до сих пор, но насколько они являются потомками деревьев времен Ивана Грозного, сказать трудно. С острова легко можно было осыпать замок ядрами и пищальными зарядами – расстояние до противоположного берега вполне это позволяло...

2 февраля в войсках был проведен смотр, и приказано было «делать туры». Под термином «туры» могут скрываться укрепления самых разных типов: просто насыпные, из плетеных корзин, передвижные деревянные башни, наконец, в данном случае, – ни то, ни другое, ни третье. Виленский «летучий листок» дает сведения, по которым можно хотя бы примерно представить себе вид грозненских «туров» – это были деревянные каркасы, очевидно, передвижные, или на катках, заполненные мешками с землей. Строили их в лесу, «в двух милях от города», и каждые десять человек должны были сделать одну «туру» – вероятно, некое звено общей цепи возводимых укреплений. Кроме того, еще во время похода «розмысл и фрязи» (наемный военный инженер и иные военные специалисты-итальянцы) приготовили щиты, «с которыми итти перед туры, и туры за ними ставити»⁸⁹. 4 февраля туры начали ставить вокруг стен и придвинули к городским укреплениям наряд.

На протяжении всего времени полоцкой осады от 30 января вплоть до падения города русским командованием были четко организованы разведка и охранение. 30 января застава была выслана за Двину, к Бельчицкому монастырю. Несколько дней, до полного смыкания

⁸⁶ Дейнис И.П. Полоцкая старина, рукопись. Полоцк, 1978. Полоцкий краеведческий музей. № КП2-1422/8. См. карту городских стен; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 306; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 50.

⁸⁷ Strykowski... Т. I. С. 241.

⁸⁸ Alexandrowicz St. Nowe źródło ikonograficzne do obleżenia Połocka w 1579 r. // Kwartalnik Historii Kultury materialnej. R. XIX. Nr. 1. 1971, карты в тексте; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 308.

⁸⁹ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 309; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 45, 120.

кольца осады, застава в Задвинье оставалась, ежедневно сменяясь. Затем заставы начали отправлять дальше, по Виленской дороге до «Глубоцкой волости», не доходя до Глубокого 10–15 верст (около 60–65 км от Полоцка), а также по Луцкой дороге (5 верст от Полоцка). Известие в Хронике Стрыйковского подтверждает наличие московских застав в районе Глубокого. Помимо передовых застав, 4 февраля высланы были отряды для охраны кошей и осадного «наряда»⁹⁰, подтягивавшихся еще целую неделю по Великолуцкой дороге.

Виленский воевода и великий гетман литовский Н. Радзивилл мало что мог противопоставить московской армии. Переписка между ним и королем Сигизмундом Августом свидетельствует о полном бессилии последнего помочь чем-либо Литве. В письмах последней декады января (т. е. отправленных в тот момент, когда московская армия была уже на марше от Великих Лук) король сообщает Радзивиллу о «немалых силах неприятельских и большой опасности», далее о тщетных попытках хотя бы собрать деньги для найма солдат. В свой срок, получая эти письма, Радзивилл вполне мог воспринять их как изощренное издевательство. 31 января, в день начала осады Полоцка, Сигизмунд Август пишет великому гетману литовскому, что отправил на подмогу воеводичей Русского и Поморского и пана Ляского, но лишь первый двинулся с сотней конных (!), а два последних остались на месте. Польский хронист Лукаш Гурницкий сообщает о пребывании в Вильно немногочисленного королевского двора, который мог скорее утратить московского государя именами старших воевод, чем действительно обеспечить защиту литовской столицы. Стрыйковский прямо назвал численность корпуса, с которым Н. Радзивилл и польный гетман Г. Ходкевич выступили против московских войск из Минска: 2 тысячи литовских солдат и 400 поляков. Более этого Радзивилл собрать не мог из-за поспешности и отсутствия времени для ожидания отрядов из отдаленных поветов. Учитывая сложную социально-политическую обстановку в Великом княжестве Литовском (конфедерация 1562 г. за унию с Польшей) и неожиданность русского наступления, указанную цифру можно принять как вполне вероятную. Русские разряды и один из «летучих листков» (виленский, марта 1563 г.) сообщают о 40-тысячном литовском войске при 20–26 орудиях⁹¹

⁹⁰ Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 46, 50–53; Strykowski... Т. II. С. 413.

⁹¹ Listy oryginalne Zygmunta Augusta do Mikołaja Radziwiłła Czarnego... Wilno, 1842. № 101, 103; Górnicki Łukasz. Dzieje w Koronie polskiej za Zygmunta I y Zygmunta Augusta aż do śmierci jego... Warszawa, 1954. С. 160; Strykowski... Т. II. С. 413; Mienicki R. Egzultanci Poloccy (1563–1580 r.) // Ateneum Wileńskie. Rocznik IX. Wilno, 1934. С. 34; Piwarski K. Niedoszła wyprawa t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567–1568) // Ateneum Wileńskie. Rok IV. Zeszyt 13. 1927. С. 261; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. № 22; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 199–200; Разрядная книга 1475–1598 гг., М., 1966. С. 53–54.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.